

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И
НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ОТКРЫТИЯ**

Санкт-Петербург
1995

1995

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THE INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**CULTURAL INTERACTIONS STUDIES
AND NEW ARHAEOLOGICAL
DISCOVERIES**

**PLENARIAN MEETING PAPERS
APRIL 11 – 14, 1995**

**St.-Peterburg
1995**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И НОВЫЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНУМА ИИМК.
11 – 14 АПРЕЛЯ 1995 ГОДА**

**Санкт-Петербург
1995**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 22

**Редакционная коллегия: В.М.Массон (отв.редактор),
С.В.Белецкий, Л.Б.Кирчо**

***Издано в рамках программы Отделения истории РАН
"Возрождение России. Россия и мировая цивилизация".***

ISBN 5-201-01168-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, как и вся отечественная наука, переживал в 1994 г. непростые времена. Особое внимание уделялось сохранению и упрочению научных направлений и традиций. В частности, это и проведение Пленумов по итогам полевых исследований – важных форумов, объединяющих научную общественность, помогающих сохранить и укрепить научное пространство. Необходимо подчеркнуть три обстоятельства. Первое, экспедиционные исследования, соответствуя в понятиях наукометрии стадии опыта и эксперимента, составляют надежный базис науки для получения новой информации. Несмотря на экономический прессинг и структурную дезорганизацию, основные экспедиционные исследования продолжались, хотя и в сокращенных объемах. Безусловной научно-экономической стратегией здесь является кооперация и координация. Второе, при первичной обработке новой информации, поступающей из полевых раскопок и исследований, было уделено особое внимание интерпретации этих новых данных и материалов. При этом ведущим научным направлением в деятельности ИИМК является проблема "Взаимодействие древних культур и цивилизаций". Третье, в развитии науки важнейшее значение имеют подготовка кадровой иерархии и придание информации значимого характера через соответствующие публикации впредь до развития в России иных информативных систем. Защищенные диссертации, как и издания, которые удалось опубликовать, отражает усилия и в этом направлении. В результате удастся сохранять значимые рубежи как в масштабах СНГ, так и в целом в рамках мирового научного сообщества.

В.М.Масон

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР И НАРОДОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

В.М.Массон (Санкт-Петербург) КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ

Культурные взаимодействия, как одна из характернейших черт функционирования и прогрессивной эволюции социума, претерпевали во времени заметные изменения. В центрах энергетического и культурного напряжения культурные процессы шли с повышенной интенсивностью, вызывая формирование своеобразных очагов активного культурогенеза. Наряду с поступательным развитием наблюдаются периоды стагнации и регресса. История народов и племен России, иллюстрируемая полученными в полевых сезонах археологическими материалами, дает немало ярких и выразительных примеров этого феномена.

Во время освоения первыми человеческими коллективами огромной территории России, в каменном веке, особенно в палеолитическую эпоху, это были преимущественно процессы культурной адаптации, выступавшие в различных формах и проявлениях -- хозяйственной, бытовой (образ жизни) и соционормативной. Адаптивно-адаптирующие свойства общества привели к выработке различных моделей -- от высокогорных охотников Северного Кавказа ашельского и мустьерского времени до охотников на крупных стадных копытных перигляциальной зоны поры верхнего палеолита. Показательна стойкая приверженность культурным традициям, поддерживавшаяся целой системой изолирующих барьеров. Мозаика верхнепалеолитических комплексов Русской равнины служит тому наглядным примером. Популяции, вырабатывавшие стабильные адаптационные структуры в различных экологических нишах, достигали значительных экономических, культурных, а порой и интеллектуальных успехов, соответствующих наивысшим стандартам своей эпохи. Таковы и мелкая пластика Костенок, и настенные панно уральских пещер-святилищ, независимо от того, являются ли они отдаленным восточным отблеском мадленских инноваций или развивались на основе иных художественных традиций.

Процессы культурной адаптации ярко проявляются в мезолитических и неолитических комплексах, оставленных обществами охотников и рыболовов лесной и лесостепной зон. Формируются крупные куль-

турные общности, частично распространяющиеся на новые территории в результате миграций. Эти общности, часто весьма значительные по занимаемому пространству, являются более открытыми к культурным взаимодействиям по сравнению с общинами верхнепалеолитических охотников, воспринимают импортные образцы, включаемые в культурную систему, причем не только престижно-символического, но и утилитарного характера. Устойчивые культурные системы способствуют консервации укладов и правопорядков. Об этом свидетельствует неолит лесной зоны Восточной Европы, сохранявший архаические хозяйственные традиции и в ту пору, когда большинство народов материковой Европы переходило к оседло-земледельческому образу жизни.

Качественно иная эпоха наступает с формированием новых сложных социальных структур. Выразительным примером является развитие в степной и частично лесостепной зоне во II тыс. до н.э. культур, идущих по пути формирования ранних комплексных обществ. Носителями прогрессивных тенденций эпохи стала военная знать, придававшая структуре общества олигархический характер. Это явление переклещивает границы археологических культур и общностей. Как показал В.С.Бочкарев, на первый план выдвигается уральский очаг культурогенеза, отражая ритмические всплески жизненной активности. В это время получают развитие явления культурной интеграции как сложной формы распространения стандартов и эталонов, не связанной обязательно с механическими перемещениями групп населения.

Феномен культурной интеграции резко усиливается с наступлением эпохи ранних кочевников как общества сложной социальной структуры и особенно, с развитием городских цивилизаций с высокими устойчивыми стандартами образа жизни и интеллектуальной деятельности. Культурный синтез и интеграция — приоритетные направления в культурогенезе. На обширных просторах России в VIII—XII вв. н.э. одновременно действуют два основных фактора культурогенеза — формирование устойчивых, в чем-то замкнутых в себе общностей и интеграционные процессы, формирующие культурное единство даже полиэтнических структур. Важнейшим стимулом этих процессов стала урбанизация. Образование городских центров как мест средоточия различных регулятивных функций, наряду с формированием княжеско-дружинной субкультуры, стало важнейшим стимулом интеграционных процессов в суперрегиональных масштабах, примером чего является Балтийский регион. Эти формы взаимодействия, как и прежде, играли решающую роль в культурном и интеллектуальном прогрессе. Именно урбанистическая интеграция решительно преодолевала границы зон естественной и искусственной изоляции, приобщая все новые районы и народы к достижениям мировой культуры и цивилизации.

ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРНОГО КAVKAZA:
ЕВРОПЕЙСКИЕ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ВЛИЯНИЯ

Традиционно "кавказский палеолит" и "северокавказский", в частности, связывали с ближневосточным кругом памятников, подчеркивая синхронность развития и близость культурных ареалов. Исследования последних лет обнаружили гораздо более сложную динамику развития и культурных влияний в палеолите Северного Кавказа.

Результаты исследований 1986--91 гг. раннепалеолитической стоянки в Треугольной пещере (Дороничев 1992) позволили отодвинуть время заселения Северного Кавказа до полумиллиона лет (слой 7a: 583+25 тыс. л.н., Молодьков 1992). Однако, самые ранние слои Треугольной пещеры содержат малочисленные комплексы и лишь свидетельствуют о том, что в данном регионе проходил процесс антропогенеза. О культурной принадлежности материалов судить сложно. Ярко выраженная галечная индустрия вышележащего слоя 4г, датирующегося мицделем, близка Карпатской фации варианта ашель односторонний (Гладилин 1990), для которой также характерно преобладание макроорудий на гальках и обломках пород. Они представлены разнообразными типами чопперов и галечных скребел, протобифасами, атипичными бифасами, унифасами-пиками, кливерообразными или колунообразными орудиями (Дороничев 1992:122). Эта индустрия, фиксируя этап развития галечной культуры раннего палеолита, не имеет аналогов в галечной индустрии закавказской стоянки Дманиси. Формы галечных орудий и их типологический состав указывают на принадлежность индустрии слоя 4г к европейскому культурному ареалу.

Вышележащий слой 4a, датирующийся мицдель--риссом, обнаруживает сходство с ашельскими индустриями протошарантского круга Закавказья. Трудно определить, являются ли эти особенности отражением эпохи в развитии культуры или имеют свою региональную специфику: между данными индустриями и большинством раннепалеолитических памятников существует значительный хронологический разрыв, поскольку большая часть их датируется риссом (не древнее 130 тыс. л.н.). Для этой заключительной стадии ашельской эпохи мы имеем картину широкого расселения человека в рассматриваемом регионе. В рамках от начала -- конца среднего плейстоцена до конца рисса -- начала рисса -- вюрма, здесь существовали как минимум три культурные традиции. Эти индустрии датируются поздним ашелем и принадлежат к широкому кругу финальноашельских памятников, которые распространены и в Европе, и в Передней Азии. Для них характерна техника расщепления, дающая относительно большое количество пластин, раз-

витая техника подправки ядрищ, треугольные, овальные и сердцевидные рубила, а также разнообразные орудия на отщепях, среди которых малочисленны изделия со сходящимися лезвиями (более показательные для среднего палеолита). Северокавказские памятники, различаясь по технике расщепления, технике оформления рубил и их формам, и наличию или отсутствию отдельных категорий и типам орудий на сколах, не имеют конкретных аналогий. Имеются отдаленные параллели Хаджохской группы с индустрией стоянки Мурет в Северных Альпах (Malenfant 1976), а Абадзехская группа ближе всего памятникам Передней Азии: Эврон, Киссуфим, Эн-эль-Ассад (Rollefson 1980).

Только памятники Абадзехской группы как будто имеют продолжение в индустриях ррисс-вюрмской эпохи. В целом стоянки переходного от ашеля к мустье времени единичны. Об индустрии слоев 6--7 Ильской II, датирующихся ррисс-вюрмом (Щелинский 1982), ничего не известно. Материалы слоев 5--7 пещеры Матузка достаточно специфичны и не имеют аналогов в соседних памятниках (Голованова 1994).

Мустьерские памятники Северного Кавказа традиционно относят: Губские стоянки -- к мустье типичному, а Ильскую I -- к мустье шарантскому (Любин 1977); или же Ильскую I -- к восточноевропейско-кавказскому региону, а Губские памятники -- к типично кавказским (Формозов 1977). Открытие и исследование новой пещерной стоянки Мезмайская (1987--94 гг.) позволило связать между собой культурные явления, которые традиционно противопоставляли. Материалы нижних слоев Мезмайской пещеры имеют аналогии в памятниках с большим количеством бифасиальных орудий. Этот вариант мустьерской культуры обычно выделяют как восточноевропейский микок (Bosinski 1967; Gabogi 1976) или восточноевропейское мустье (Праслов 1984). Индустрия нижних слоев имеет аналогии во многих памятниках: здесь присутствуют листовидные наконечники (как в Антоновке, Ильской I, Староселье, Кник-Кобе), лимасы (как в Ильской I, Сухой Мечетке, Староселье, Бокштайне IIIA, Анханде III, Сессельдсфельдгроте, Кюльне). С раннего вюрма до вюрма II--III индустрия Мезмайской пещеры, плавно развиваясь, в верхних слоях превращается в своеобразный вариант мустье типичного.

Изучение многослойной мустьерской стоянки в Мезмайской пещере позволило получить принципиально новую информацию об эволюции культуры на рассматриваемой территории и сделать наблюдения о развитии и трансформации культуры в мустьерскую эпоху. Эти материалы связали в рамках одного направления понятия о двух линиях развития (Любин 1977). Впервые для данной территории удалось проследить развитие культуры на протяжении продолжительного времени -- от раннего вюрма до вюрма II--III. Индустрии конца мустье

ерской эпохи претерпевают настолько значительные изменения, что представляется некорректным сравнение индустрий разных хронологических этапов мустье, а тем более поиск истоков индустрий среднего вюрма в ашельских материалах.

Памятники рассматриваемого культурного арсала представляли в мустье Северного Кавказа наиболее обширное явление и в хронологическом, и в территориальном плане. Для начальных этапов мустье это была, по-видимому, единственная культурная традиция. В конце мустьерской эпохи сюда проникает индустрия, аналогичная Ахштырской мустьерской культуре Сочинского Причерноморья (Матузка, слой 4Б-В). Закавказские влияния прослеживаются и в материалах пещеры Муштылаты лагат в Северной Осетии (Гиджрати 1986).

Проблема преемственности мустье и позднего палеолита на Северном Кавказе практически не имеет решения. Можно говорить лишь о большой близости поздних индустрий типа Монашеской пещеры и слоев 2 и 2А Мезмайской материалам Каменноостской пещеры, отражающим начальный этап позднего палеолита. Большой хронологический разрыв отделяет эти памятники от стоянок конца позднего палеолита. Индустрии позднепалеолитических слоев Губского навеса I стоят особняком, не имея аналогий в ближайших памятниках. А яркое культурное явление, выделенное как Губская позднепалеолитическая культура (Сатанай, Касожская, Русланова пещеры), отражает новую инновационную волну, проникающую из Закавказья (Амирханов 1986).

На сегодня можно говорить, что в палеолитическую эпоху Северный Кавказ развивался синхронно с европейским и переднеазиатским регионами. Эволюция человеческой культуры здесь насчитывает более полумиллиона лет. В раннем палеолите (мидель) и в начале мустье регион входил в европейские культурные ареалы. В конце мустье и позднего палеолита сюда проникают закавказские традиции.

М.В. Анникович (Санкт-Петербург)

СУДЬБЫ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКОЙ РАВНИНЫ

При всех спорных моментах и неясностях, уже сейчас можно предложить очерк развития верхнего палеолита восточно-европейского региона, выражающий его специфические особенности в сравнении с Западной и Центральной Европой и то общее, что позволяет для столь древней эпохи говорить о своего рода "европейском единстве".

Ранняя пора верхнего палеолита: 40--24 тыс. л.н. В этот период (2-я пол. средневалдайского мегаинтерстадиала), климат был неустойчивым: периоды потеплений сменяли похолодания; леса и лесостепи

уступали место открытым ландшафтам и возвращались вновь. Верхнепалеолитическое население широко распространилось по Русской равнине: от Днестра и Прута, Днепра и Дона до бассейнов Камы и Печоры. Однако, не ясно, заселило ли оно всю территорию Восточной Европы — Крымский п-ов, видимо, оставался своеобразным изолятом, где существовали исключительно мустьерские индустрии. *Археологические культуры (АК)* этого времени демонстрируют большое разнообразие местных культурных традиций. При этом отчетливо прослеживаются два основных типа: *АК архаичного облика*, сохранявшие в каменных индустриях выраженные мустьерские черты, и развитые АК, в которых, пережитки мустьерской эпохи не проявлялись. К восточно-европейским АК 1-го типа относятся *бронзенская, костенковско-стрелецкая и городцовская*; по типологии они генетически связаны с мустьерскими индустриями южных регионов Восточной Европы. Среди культур 2-го типа наиболее известны *спицынская и молодовская АК*. Эта закономерность прослежена и в Центральной и Западной Европе, где также изначально сосуществовали свои архаичные и развитые АК; причем 1-е и здесь связываются с местными вариантами мустье. В Европе древнейшие развитые АК принадлежат исключительно ориньяк-идному технокомплексу; они, скорее всего, появились в Европе извне и послужили катализатором при формировании местных архаичных культур. Судя по антропологическим данным, это был контакт пришлых, морфологически современных людей и европейских неандертальцев; в конечном счете, — начальный этап формирования современного человечества и древнейших вариантов его культуры.

Таким образом, уже для ранней поры верхнего палеолита можно говорить об *общности исторических судеб всего европейского континента*. Возникновение нового, *граветтоидного технокомплекса* происходит в разных частях Европы (и в разных культурных вариантах) примерно, в одно и то же время: ок.30 тыс. л.н. На территории Русской равнины древнейшие индустрии данного технокомплекса — слой X-VIII Молодова 5 (*молодовская АК*; примерно, 30-28 тыс. л.н.) и слой II Костенок 8 (*тельманская АК*; ок.27-28 тыс. л.н.).

Несмотря на большую культурную вариабельность, образ жизни восточноевропейского населения этого времени был во многом сходен. В основном это были охотники на диких лошадей, жившие в легких наземных чумообразных жилищах. Только на Волыни в составе фауны Куличивки (31-25 тыс. л.н. по В.П.Савичу) преобладает мамонт.

"Граветтский эпизод": 23-21 тыс. л.н. В это время происходит миграция в Восточную Европу центральноевропейского населения с развитыми и специфическими культурными традициями (виллендорфско-костенковская АК). Культура возникает в р-не Среднего Дуная

ок.28--27 тыс. л.н., быстро распространяется на соседние территории и ок.23 тыс. л.н. появляется на Русской равнине от бассейнов Десны и Дона (Авдеево, Костенки 1, I-й слой и др., Гагарино) до Москвы (Зарайская стоянка). Исключительно высокий уровень виллендорфско-костенковской АК общеизвестен: сложные бытовые конструкции, организация долговременных поселений, богатство и разнообразие "искусства малых форм", в т.ч. -- знаменитые палеолитические "всперы".

Появление этой АК на Русской равнине -- проявление глобальных перемен, которые отделяют здесь раннюю пору верхнего палеолита от последующего этапа. С началом поздневалдайского оледенения и ухудшением природных условий люди вынуждены изменить прежние поведенческие стереотипы. На Среднем Дону "виллендорфцы" появились, когда местное население уже активно вырабатывало новые приемы домостроительства (полуземлянка верхнего слоя Костенок 8, "длинные дома" верхнего слоя Костенок 4); прежние культурные традиции сменялись новыми (*аносовско-тельманская АК; гмелинская АК*). На Русской равнине "архаичные" археологические культуры исчезают. Меняется основной объект охоты -- лошадь уступает место мамонту.

На ЮЗ Восточной Европы изменения не столь глобальны, но заметны. Основной объект охоты здесь также меняется -- лошадь уступает место северному оленю. Именно в это время молодцовская АК достигает расцвета (Молодова 5, слой VII; Бабин 1, нижний слой), испытан заметное влияние со стороны пришельцев из Центральной Европы. К 22--21 тыс. л.н. относятся самые ранние из достоверно датированных верхнепалеолитических стоянок Ю региона (Приазовье -- Северное Причерноморье): Ямы, Сагайдак 1, возможно, Амвросиевка.

Очень важной характеристикой, отделяющей период высшего расцвета эпохи верхнего палеолита Восточной Европы от его ранней поры, является образование 3 историко-культурных областей (ИКО): Юго-Западная -- охотников на северных оленей, Южная -- охотников на бизонов, Центральная (Днепро-Донецкая) -- охотников на мамонтов. Сложившись в начале "граветтского эпизода", все 3 ИКО сосуществовали, примерно до 12--11 тыс. л.н. Но если в первых 2 ИКО прослеживается медленная культурная эволюция, то для ИКО охотников на мамонтов после "граветтского эпизода" выделяется еще один этап.

"Восточный эпиграветт": 20--12 тыс. л.н. Начало этого периода совпадает по данным геологов с "климатическим минимумом": самыми суровыми природными условиями за период Валдайского (Вюрмского) оледенения. На территории бассейнов Десны -- Среднего Дона -- Среднего Днепра вновь происходит смена культурных традиций: АК предшествующего этапа полностью исчезают, сменяясь культурами, которые несколько различаются по технике и типологии каменного инвент-

таря (*замяттинская, мезинская, межиричско-добраничовская АК*), по характеризуются однотипными долговременными поселениями с округлыми наземными жилищами, в строительстве которых использовано большое количество крупных костей мамонта. Эти культуры отличались своеобразным искусством с высокой степенью стилизации.

На территории Восточной Европы выделение данного периода имеет смысл для ИКО охотников на мамонтов. В двух соседних ИКО заметно в это время появление новых культурных традиций: *днепровская АК* в Юго-Западной и *мураловская АК* в Южной ИКО. Ок.20 тыс. л.н. впервые появляются верхнепалеолитические индустрии на территории Крыма (Сюрень 1, нижний слой). Именно в этот период восточно-европейский регион оказывается наиболее изолированным от остальной Европы: характеристики местных культур резко отличны от одновременных им солотрэйской и мадленской АК.

Финальный этап и проблема "мезолитической эпохи": 11--7 тыс. л.н. Исчезновение ярких и выразительных культур охотников на мамонтов -- главная отличительная особенность этого этапа. В северных и центральных регионах Русской равнины представлены стоянки аренсбургской и свидерской АК, сменяющиеся впоследствии постаренсбургскими и постсвидерскими "мезолитическими" культурами. При несомненных отличиях, резкой культурной границы между ними не наблюдается. То же можно сказать о культурах финального палеолита-"мезолита" Юго-Запада Русской равнины, Причерноморья и Крыма. На наш взгляд, т.н. "финальный палеолит" и "мезолит" следует рассматривать как единый этап, завершающий собой верхнепалеолитическую эпоху, которая сменяется новой археологической эпохой -- неолитом.

В.В.Питулько (Санкт-Петербург)
ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК ЗАПАДНОЙ АРКТИКИ.
РАССЕЛЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ

Данные о древнейших этапах освоения Западной Арктики весьма фрагментарны. Наиболее актуальна проблема древности, теснейшим образом связанная с представлениями о позднечетвертичной истории региона, динамике и масштабах последних ледниковых событий, времени и темпах дегляциации. Последние могут быть сформулированы в виде "минимальной" или "максимальной" модели. Соответственно, если принять точку зрения М.Г.Гросвальда (1983), начальный этап освоения северо-восточного Европейского Заполярья не может быть датирован ранее чем 5, в крайнем случае 7--8 тыс. л.н. С другой стороны, А.А.Величко (1979) формулирует идеи о рассинхронизированности и разномасштабности позднеледниковых событий, допускаю-

щие возможность позднесвалдайского обитания в регионе. Однако, археологических материалов, документирующих этот этап заселения, пока не выявлено; древнейшие памятники датируются 9--8 тыс. л.н. (Волокитин 1986; Верещагина 1990). На внеполярной территории Крайнего Европейского Северо-Востока (КЕСВ) благодаря исследованиям В.И.Капивца (1976), Б.И.Гуслицера и П.Ю.Павлова (1987, 1988) известны памятники, однозначно относимые к эпохе палеолита, в том числе -- Медвежья пещера, возраст которой Б.И.Гуслицер и П.Ю.Павлов (1988) определяют средним валдаем, считая результаты изотопного датирования недостоверными.

Новейшие палеогеографические исследования показывают, что природные условия северо-востока Европейского Заполярья в позднесвалдайское время были приемлемы для обитания человека. Именно с этих позиций Г.В.Иванов рассматривает находки на о.Вайгач, близ м. Лито-Саля и в других пунктах. Отсюда происходит немногочисленный подъемный материал, состоящий преимущественно из правильных пожевидных пластин и их сечений, иногда с подработкой, отщепов с ретушью, нуклеуса и единичных орудий -- скребла и долотовидного инструмента (Иванов 1991, 1993). Последние могут быть типологически сопоставлены с инвентарем Медвежьей пещеры, однако не служат бесспорным основанием для определения возраста вайгачских находок столь глубоким временем.

В то же время эти материалы (особенно та их часть, где представлены правильно ограниченные пожевидные пластинки), отмечают самый ранний пока этап освоения человеком островных арктических территорий Западного Сектора, поскольку пластинчатые индустрии прекращают свое существование на КЕСВ ок.5 тыс. л.н. и, следовательно, находки, содержащие пластинчатый комплекс, более ранние. До находок Г.В.Иванова древнейшими следами пребывания человека на о.Вайгач считали стоянки эпохи позднего неолита -- раннего металла (ок.3 тыс. л.н.) на его СВ оконечности (Питулько 1988). Единичные находки позволяли надеяться и на открытие более ранних памятников (Хлобыстин 1988). Прочие материалы, полученные на островах Западной Арктики (Иванов 1993) трудноопределимы хронологически (Земля Франца-Иосифа), либо имеют поздний возраст (новоземельские). П.Ю.Павлов в 1993 г. на материковом побережье пролива Югорский Шар впервые для северо-восточноевропейского Заполярья открыл залегавшие *in situ* материалы, содержащие пластинчатую индустрию и фауну морских млекопитающих. Предварительно находки датированы мезолитом -- ранним неолитом, т.е. не моложе 5--6 тыс. л.н. (П.Ю.Павлов, личное сообщение). Таким образом, немногие ранние археологические материалы, известные на рассматриваемой территории, слабо согласуются со

взглядами об исключительно широком и продолжительном (вплоть до среднего голоцена) существовании здесь крупных ледников, и показывают, что первоначальное освоение этой территории (по крайней мере) 6 тыс. л.н. Фактически она была обитаема уже на рубеже голоцена.

Север Западной Сибири изучен слабо. Единственное свидетельство пребывания человека в относительно раннее время на широте Полярного круга — стоянка Корчаги I-B (Хлобыстин 1987), 7.260 \pm 80 л.н. (ЛЕ 1376). Палео-природные данные позволяют допускать наличие и более ранних памятников. И.Д.Данилов (1988), характеризуя позднечетвертичные отложения региона, указывает на торфяно-алеврито-песчаные толщи, пронизанные вертикальными ледяными жилами. Возраст торфа из этих отложений — 24–25 тыс. л.н., однако не выявлено деформаций ледяных жил (даже в их верхней части), которые можно было бы связать с активностью Карского щита, конструируемого сторошниками максимальной модели оледенения. На западе Ямала торфяники содержат макроостатки древовидной березы с датами ок.16.5 тыс. л.н. (Зубаков 1972). Наличие торфяников возраста 15–16 тыс. л.н. показывает, что полуостров, в настоящее время практически целиком принадлежащий тундровой зоне, в рассматриваемый период был покрыт не ледником, а лесотундровой растительностью. Торфяник на побережье Байдарацкой губы, имеющий дату ок.5 тыс. л.н., содержит нормальные лесотундровые споро-пыльцевые комплексы (Бадинова и др. 1976). По Тазовскому и Гыданскому п-овам получены данные о существовании здесь в период последнего оледенения перигляциальной тундры (Авдалович, Баджиев 1984). Исключается всякая возможность ледниковых явлений на рубеже плейстоцена/голоцена — Юрибейский мамонт датирован 9.6–10 тыс. л.н. (Арсланов и др. 1982). Современными ему были тундровые ландшафты с участками лиственничных редколесий, ныне встречающихся на 200–300 км южнее (Украинцева 1982). Север Западной Сибири уже 15–16 тыс. л.н. представлял собой нормальную среду обитания позднепалеолитического человека — перигляциальную тундру, населенную мамонтовой фауной, а к рубежу голоцена природные условия здесь были благоприятнее современных.

Первичное освоение человеком КЕСВ, прерванное (либо существенно замедленное) валдайским оледенением, относится к эпохе палеолита. Вполне допустимо, что и заполярные территории региона могли быть доступны в предголоценовый период. Процесс заселения территорий в голоцене, можно относить к 7–8 тыс. л.н. (Верещагина 1989; Канивец 1976). Авторы палеогеографических реконструкций отмечают, что начиная с 8.2 тыс. л.н. устанавливаются условия климатического оптимума: средние летние температуры возрастают в высоких широтах на 1.5–2°C по отношению к современным, повышается увлажненность,

начинается смещение к северу природных зон (Авенариус, Муратова 1978; Пьявченко 1952; Хотинский 1977). С перестройкой ландшафтов оказались связаны и перемещения ареалов промысловых видов, в частности, северного оленя. Население, продвинувшееся в мезолите в лесотундры и тундры КЕСВ, по-видимому, было весьма малочисленным и очень подвижным, основу его существования составлял промысел оленя, возможно, птицы (особенно линной) и, отчасти, рыболовство. На существование последнего указывает приуроченность ряда памятников к малым рекам и проточным озерам, где было возможно использование примитивных ловушек и заколов, подобных конструкциям из Вис I (Буров 1966). Характерен стандартный набор инвентаря: "пост-свидерские" наконечники, вкладыши из ножевидных пластин, резцы и т.д. Отмечаются как волго-окские, так и камские черты (Верещагина 1989; Волокитин, Коноваленко 1988).

Климатические и природные изменения суббореала и субатлантикума, по-видимому, не оказывали значительного воздействия на модели жизнеобеспечения обитателей региона, во всяком случае, не вызывали необходимости резкой перестройки. С другой стороны, следствием среднесуббореального потепления, изменения гидрологических режимов и повторного продвижения к северу широколиственных лесов (Хотинский 1978) мог быть усиленный приток сюда населения из южных районов. Допустимо увязывать с этими событиями формирование чужьяельской культуры, в которой В.С.Стоколос (1988) видит прикамские элементы. Север Западной Сибири в течение длительного времени оставался незаселенным, но отдельные группы мезолитических охотников эпизодически проникали далеко за Полярный круг. Широкое освоение территорий началось 3-4 тыс. л.н.- здесь появляются памятники тазовской, сортыньинской и ортинской культур (Хлобыстин 1982; Хлобыстин, Лашук 1986). Развитие последней существенно влияло на культуру КЕСВ. Судя по топографии памятников (приуроченность стоянок к малым рекам, озерам, старичным образованиям) и наборам инвентаря здесь долгое время развивался стандартный для Заполярья ХКТ мобильных охотников на оленя, дополнявших основной промысел рыболовством, охотой на птицу и собирательством.

Г.В.Синицына (Санкт-Петербург)

О КУЛЬТУРНОМ ЕДИНСТВЕ В ЭПОХУ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

За последние два десятилетия на Верхней Волге и особенно в Волго-Окском междуречье было открыто несколько новых археологических культур каменного века, разработаны схемы их развития. Для Ю

части Волго-Окского междуречья и Деснинского полесья отмечается мозаичность археологических культур финального палеолита -- раннего мезолита и сложный характер их взаимодействия (Кольцов 1977, 1989; Сорокин 1989, 1990). Прослеживается опосредованное влияние западных (в первую очередь свидерской и аренсбургской традиций) на сложение бутовской и иеневской культур раннего мезолита. По материалам памятников района верхневолжских озер прослеживается влияние третьей позднепалеолитической культуры -- лингби (Синицына 1994). Отмечено проникновение культуры лингби в финальном палеолите в лесную зону Восточной Европы на Нижнем Немане (Римантен 1971), на р. Припяти (Зализняк 1989), в Верхнем Поднепровье (Ксензов 1994), в междуречье Западной Двины и Ловати (Микляев 1992).

Недавно открытая стоянка-мастерская Подол III (левый берег р. Волги, у ее истоков из оз. Волго) является самым восточным пунктом распространения культуры лингби, а материалы этого памятника залегают в четких стратиграфических условиях. Финальнопалеолитические находки, кроме компактного положения в разрезе, имели планиграфическую структуру в виде ряда производственных и бытовых объектов. На раскопе I выделялось место по обработке кремня и, расположенное рядом, скопление мелких фрагментов кальцинированных костей. На раскопе II культурные остатки распределены между обломочным материалом тремя скоплениями, составляя жилую площадку 56 м².

Памятник -- открытого типа, культурный слой вмещен в песчаные отложения, поэтому сохранился лишь каменный инвентарь. Типологический анализ материалов показывает близкое сходство с инвентарем культуры лингби. Это черешковые наконечники стрел на массивных пластинах, снятых с призматических нуклеусов в технике твердого отбойника; двугранные резцы, скребки на пластинах с углом лезвия ок. 60°. Реже представлены пластины и отщепы с выемками, усеченные пластины, проколки, топоры на отщепах с боковыми выемками.

В материалах стоянки Подол III присутствует элемент, характерный для иных культурных традиций -- наконечник свидерского облика. Индустрии сочетающие элементы аренсбургской и свидерской традиций выделяются как "комплексы типа Вильнюс" (Сульгустовская 1989) и датируются младшим Дриасом. Калиброванная дата по древесному углю раскопа I -- конец младшего Дриаса -- согласуется с типологическим анализом инвентаря.

В. Тауте (1968) выделил классическую группу памятников культуры бромме-лингби (Дания, юг Швеции, Шлезвиг-Гольштейн) и южную группу памятников в Северной Германии, в материалах которых присутствуют предметы с выпуклой спинкой, характерные для культуры федермессер. Сопоставление материалов финального палеолита и

раннего мезолита Центральной и Восточной Европы позволяет говорить, что с одной стороны, здесь протекали сходные процессы в развитии культур, а с другой -- отражены контакты трех культурных традиций -- лингби, аренбургской, свидерской.

В.И.Тимофеев (Санкт-Петербург)

**К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
"ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКИ" СКАНДИНАВИИ**

Памятники культуры "ямочной керамики" (КЯК) в неолите известны на обширной территории, включающей значительную часть Швеции, Южную и Западную Норвегию, север Дании, Аландские о-ва Финляндии. При наличии несомненных элементов культуры воронковидных кубков (КВК), предшествовавшей на большей части ареала КЯК, памятники последней (в которых представлены хозяйство присваивающего типа, "охотничий" каменный инвентарь, круглодонная посуда со своеобразным орнаментом) по ряду составляющих отличны от КВК, вызывая ассоциации с неолитом лесной полосы круга ямочно-гребенчатой керамики. К.Беккер (1950), отметив характерность для ранних комплексов КЯК пластинчатых черешковых наконечников, находящихся широкий круг параллелей, территориально связанных с лесной зоной, высказал мнение о ее восточном происхождении. По мнению М.Мальмера (1969) КЯК сформировалась на основе мезолитических культур (в частности, Эртебелле и культурных групп Фосна и Ноствет), носители которых продолжали существовать в неолитическое время синхронно с КВК в районах, бесперспективных для развития производящего хозяйства, а становление культуры произошло под влиянием КВК. После выявления в составе КВК особых памятников -- охотничьих лагерей -- Й.Скоруп (1973) поставил вопрос о более значительном вкладе носителей КВК в процесс формирования КЯК. В результате анализа погребальной обрядности и предметов искусства, в частности пластики, Б.Вишомирска (1984) отметила элементы духовной культуры и экономики, сближающие КЯК и неолит лесной зоны.

Особое место в проблеме происхождения КЯК занимают материалы памятников Восточной Швеции. В предшествующее время здесь существовали немногочисленные поселения северной группы КВК (культура Вро по С.Флорину, 1953), населявшей эту территорию непродолжительное время в рамках ранне-неолитического этапа. В последние годы на смежной северной территории открыты первые в Швеции памятники неолитической культуры гребенчато-ямочной керамики (Хален 1994), характерной для Финляндии, Восточной Прибалтики, Северо-Запада России. Для этого района разработана периодизация КЯК, ба-

зирующаяся на материалах исследований А.Багге (1951) в Фагервик. Существует мнение (Мейландер 1957), что ранние (типа Фагервик II) комплексы КЯК характерны именно для Восточной Швеции.

На наш взгляд, в материалах "ямочной керамики" стоянок северной части данной территории может быть выделен "ансамбль" признаков, общих с типичной гребенчато-ямочной керамикой. К числу этих элементов относятся глубокие, нанесенные в "шахматной" манере ямки, оттиски (раздельно поставленные) "отступающей лопаточки" среди элементов орнамента; мотивы "геометрической" орнаментики (включая ромбические фигуры и своеобразный горизонтальный зигзаг); в профилировке сосудов -- специфическое оформление края, включающее ряд вариантов утолщенного и скошенного внутрь венчика. Эти черты, отсутствующие в материалах КВК и типичные для гребенчато-ямочной керамики, коррелируют с технологией (минеральная примесь в тесте сосудов), характерной для ранних комплексов КЯК. Эталонный памятник, дающий наиболее выразительный набор "восточных" элементов в орнаментации и профилировке сосудов (ок.50%) -- стоянка Мартче, провинция Гестрикланд, исследованная А.-Б.Йонссон (1958). В той или иной мере эти черты выражены в материалах северных памятников КЯК -- Сотмира и др. (исследования А.Сегерберг), отчасти в ранней группе "ямочной керамики" Оверода (Велиндер 1971).

Для определения хронологической позиции "восточных" элементов принципиально важны материалы опорных для периодизации КЯК раскопок в Фагервик (Багге 1951; материалы и документация в Историческом музее, Стокгольм). А.Багге выделил 21 топографический уровень распространения неолитических материалов, соответствующий пяти периодам или стадиям заселения района Фагервик в неолите (Фагервик I--V). Для ранней (Фагервик I) стадии характерна керамика северной группы КВК (аналогична, по существу, материалам культуры Бро С.Флорина), позднее появляется ранняя керамика КЯК приобретающая в дальнейшем классические черты -- "острорезерность" сосудов и примесь известняка в тесте. Прослеживая эволюцию керамических комплексов, А.Багге базировался в классификации материала на анализе признаков, характерных для керамики КВК и классической керамики КЯК. Классификация материалов ранней (с минеральной примесью) группы керамики, с учетом элементов профилировки и орнаментации, соответствующих признакам гребенчато-ямочной керамики, позволяет выделить фрагменты сосудов с "восточными" чертами на уровнях, соответствующих древнейшей стадии Фагервик I. Данная группа керамики появляется не на самых ранних уровнях Фагервик I, начальная отметка которой -- 31 м ниже уровня моря, четко представлена на отметках 29.5--28.5 м (залегая вместе с появившейся ранее --

31 м -- керамикой "культуры Бро") и на нижележащих уровнях, соответствующих стадии Фагервик II. Появление "восточных" элементов в период, непосредственно предшествующий сложению керамического комплекса КЯК в Фагервик фиксируется достаточно определенно. Можно предположить, что именно этот компонент обусловил стилистическое своеобразие керамики КЯК, ее отличие от основного, участвующего в формировании нового сочетания признаков компонента, хорошо изученного в Скандинавии керамического комплекса КЯК. Этот процесс можно квалифицировать в рамках известного в культурологии явления стимулированной трансформации (Массон 1990).

Типологически ранняя ямочная керамика северных стоянок КЯК сопоставима с "гибридными" типами, известными на периферии КВК (сложившимися в результате взаимодействия КВК и культур "лесного" неолита: неманской, нарвской и прибалтийской гребенчато-ямочной керамики), наиболее изученными на территории Польши (Е.Кемписты, С.Кукавка и др.). Как структурно связанное сочетание признаков, "восточный" компонент в керамическом комплексе КЯК существовал, видимо, непродолжительное время. Памятники большей части ареала культуры дают уже сложившуюся "ямочную" керамику, в которой "восточные" элементы выступают в трансформированном виде -- в нерасчленимом сочетании с элементами иного (прежде всего КВК) происхождения. Так, глубокие ямки под венчиком являются уже, возможно, не орнаментальным, а технологическим (Лефstrand 1974) признаком. Другие вновь появившиеся "восточные" элементы комплексов КЯК, в частности памятников о.Готланд могут объясняться контактами развитой-поздней КЯК (Янитс 1988).

Формирование набора орудий КЯК имело иные особенности -- пластинчатый черешковый наконечник вряд ли мог быть заимствован из инвентаря неолитических культур лесной зоны, где он, ко времени сложения КЯК, практически уже вышел из употребления.

В.Я.Шумкин (Санкт-Петербург)

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ
КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА**

Кольский п-ов является восточной частью обширной историко-географической зоны -- Лапландии (Мурманской обл. России и северные провинции Норвегии, Швеции и Финляндии), заселенной с древности этнически единым саамским населением. При всем разнообразии природно-климатических характеристик региона, Лапландия имеет кардинальные отличия от более южных территорий по географическим показателям, происхождению и историческим судьбам населения.

В настоящее время на территории Кольского п-ова обнаружено и частично обследовано более 400 археологических объектов: поселения, стоянки, могильники, культовые объекты, лабиринты, наскальные изображения -- от раннего мезолита до средневековья (ок.10 тыс. лет). Обследование отдельных регионов Кольского п-ова проведено неравномерно -- основное внимание уделялось прибрежным районам, но в общем археологические памятники обнаружены на всей территории.

До 60-х гг. XX в. археологическое исследование Восточной Лапландии значительно отставало от изучения ее западных территорий. Ныне этот дисбаланс в значительной степени преодолен. Благодаря усилиям трех поколений отечественных археологов, создана серьезная фактологическая база, выделены этапы развития культуры древнего населения, в целом совпадающие с таковыми западных соседей.

Несмотря на определенные различия методологических и методических приемов анализа и понимания древностей в Скандинавских странах и России, твердо установлены контакты первобытного населения Лапландии и общность их происхождения и стадиальных изменений. Вырисовывается единая этнокультурная зона с особыми закономерностями развития и общей исторической судьбой.

На этом фоне парадоксальной выглядела ситуация, когда в западном регионе Лапландии были исследованы сотни поселений с многочисленными (до 200) углубленными жилищами каменного века, а в восточном регионе все построения базировались на изучении культурных слоев поселений открытого типа с редкими наземными жилищными конструкциями. Объяснить это природными особенностями или своеобразием образа жизни не удастся.

Сомнения усилились после совместных работ, когда удалось осмотреть поселения Западной Скандинавии и принять участие в стационарном исследовании некоторых из них. В результате этих работ выяснилось, что наличие и отсутствие наземных и углубленных жилищ в разных частях Лапландии зависит от стратегии и тактики разведывательных работ. Скандинавские и российские археологи накопили значительный опыт в данной процедуре археологических исследований. Однако этот опыт традиционно ориентировался на фиксацию различных типов поселений, поэтому сложился устойчивый стереотип поисков археологических объектов в разных экологических микроишах.

Реальность такого состояния была апробирована в Северной Норвегии в 1990--92 гг. и продолжена в 1992--94 гг. в процессе работы Российско-Норвежской археологической экспедиции (ИИМК РАН, Университет Тромсо, при участии Геологического департамента Финляндии) на Кольском п-ове. В результате разведывательных маршру-

тов удалось зафиксировать более 2-х десятков поселений с углубленными жилищами разных периодов каменного века.

Большинство комплексов насчитывает 2--5 жилищных впадин, есть и более крупные (до 20) поселения. Они располагаются на склонах морских террас на выс. 10--22 м (чаще 12--14 м) над уровнем моря. Такие поселения обнаружены на всех исследованных участках морского побережья п-ова Рыбачий, п-ова Средний, в Нокуевском заливе (Мурманский берег) и на о-вах Баренцева моря.

Расположение поселений на открытом побережье, отсутствие непосредственной топографической связи с речными и озерными системами, а также наличие многочисленных "мясных" ям показывают ориентированность обитателей на добычу преимущественно морских ресурсов. Рядом с такими комплексами обычно располагаются (на более ровных участках) отдельные или объединенные в небольшие группы остатки наземных округлых или подпрямоугольных жилищ эпохи средневековья, что свидетельствует о преемственности выбора мест обитания, сохранении (или возврате) приморской стратегии жизнеобеспечения и в последующие периоды.

При аналогичности жилищ на памятниках Восточной и Западной Лапландии (форма, количество и ориентировка входов, расположение в долину) намечается своеобразие поселений Кольского п-ова: размещение на песчаных террасах (в отличие от гравийных в Норвегии), небольшое количество западин, большее разнообразие глубин и размеров. Появляется возможность выявления важных конструктивных элементов жилищ, более широкого применения методов естественных дисциплин, отнесения комплексов к узкому хронологическому отрезку (единовременность), сравнения с иными типами поселений, изучения демографических ситуаций и процессов.

Наметился прогресс в заполнении лакун в самом "темном" периоде истории лапландского населения -- рубеже и 1-х вв. н.э., когда происходили кардинальные события формирования и становления саамского (или протосаамского) этноса. Обнаружение систем ям-ловушек для стационарной добычи северного оленя, давно и хорошо известных в Западной Лапландии, подтверждает предположения об освоении новых адаптационных моделей под влиянием изменившихся природных условий и усиления давления со стороны более южной популяции.

Подтверждается и тезис о дроблении некогда крупных сообществ на мелкие (видимо семейные) группы, об этом свидетельствуют еще малочисленные стоянки-стойбища и одиночные углубленные жилища в озерных районах на местах традиционных передвижений оленьих стад.

Т.о., среди задач современной археологической науки на Кольском п-ове приобретает все большую актуальность сплошное обследо-

вашие конкретных территорий с детальной фиксацией всех выявленных объектов -- вопрос уже давно поставленный и решаемый скандинавскими коллегами. Реализация этого положения требует значительных усилий и времени, но сторицей окупается при проведении дальнейших, особенно спасательных, работ.

К.Х.Кушнарера, М.Б.Рысин (Санкт-Петербург)
СВЯЗИ КАВКАЗА И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
(Хронологический аспект)

Кавказ играл ключевую роль в культурном прогрессе восточноевропейских степей в эпоху палеометалла. Контакты были постоянными и взаимообогащающими, но доминировало кавказское влияние. Механизм этих связей различен: миграции избыточного населения, экспедиции за сырьем, распространение прогрессивных технологий и предметов из металлов бродячими ремесленниками, удовлетворение запросов элитарной части общества в престижных изделиях, обмен новациями в духовной сфере.

Основной характеристикой кавказско-степных связей в хронологическом аспекте является их ритмичность. Среди факторов, влиявших на интенсивность связей Кавказа со степными регионами, важная роль принадлежала климатическому. Климат в голоцене сильно менялся. Снижение увлажненности в степной зоне юга Восточной Европы тормозило ведение земледельческо-скотоводческого хозяйства, приводило к сокращению населения и, как следствие, к снижению интенсивности связей с Кавказом. В благоприятные периоды население степей увеличивалось, усиливались и связи. Климатический фактор оказывал влияние и на интенсивность связей с Закавказьем, т.к. открытость перевальных дорог определялась степенью оледенения Большого Кавказа. Более постоянно связи осуществлялись вдоль побережья Каспия.

Первая для эпохи палеометалла цепочка импортов, свидетельствующая об активизации контактов через восточноевропейские степи, фиксируется в энсолите (по климатической шкале -- влажный Атлантический период). В это время на обширной территории происходит распространение курганной традиции, появляются маркирующие изделия определенного хронологического среза: браслеты, зооморфные наперстки, медные украшения и др. Трипольские импорты датируют начало этого процесса средним Трипольем (по ^{14}C -- IV тыс. до н.э.).

В эпоху ранней бронзы связи Кавказа со степями осуществлялись двумя способами. Первый -- передвижение групп населения, что подтверждается распространением в конце ранней бронзы трипольской и

майкопской керамики в степную зону (Михайловка II, Койсугские курганы, Константиновка и др.). Второй способ — передача изделий, отражающих престижную и воинскую функцию. Часть вещей (импорты, либо их подражания) происходит из датированных комплексов Малой Азии, что позволяет определить хронологическую позицию культурных объединений этого времени. Аналогии кинжалам из позднетрипольских погребений усатовского могильника представлены в Трос II, а кувалдам из позднемайкопских погребений (Чегем) и древнеямого погребения в Среднем Поволжье (хут. Степана Разина) — в могильнике Аладжа-Уюк. В этот период на Северный Кавказ попадают и единичные образцы парадных топоров-молотов с рельефным пояском вокруг проушины. Прототипы этих топоров обнаружены в Малой Азии (Троя II, Аладжа-Уюк). Характер импортов (парадное оружие) свидетельствует об удовлетворении потребностей элитной части первобытных общин, имевшей возможность заказывать столь ценные предметы в отдаленных центрах древних цивилизаций.

Приведенные параллели позволяют синхронизировать финал позднетрипольской и майкопской общностей и отнести его к нач. 2-й пол. III тыс. до н.э. В Месопотамии это РД-III. Угасание майкопской и трипольской цивилизаций соответствует ксеротермической фазе суббореального периода голоцена, когда население в степной зоне сократилось, а интенсивность связей заметно снизилась.

Контакты Кавказа со степной зоной в эпоху средней бронзы характеризуются повышенной интенсивностью. Связь Северного и Южного Кавказа осуществлялась как через Большой Кавказ, так и вдоль побережья Каспия. В эпоху средней бронзы зафиксированы миграции населения через перевалы в степное Предкавказье. Шел также обмен вещами и новациями в материальной и духовной сферах (сооружение курганов, катакомбный обряд, антропоморфные стелы, бронзовые крюки, топоры, булавки, курильницы и др.).

С миграцией связано появление керамических импортов, подражаний посуде и некоторым изделиям из металла беденского круга. Возможно, под влиянием алазано-беденской культуры на Северном Кавказе сформировался керамический комплекс предкавказской катакомбной общности, посетители которой в эпоху средней бронзы продвинулись через степи до Волги и Днепра. В ходе этой миграции (фиксируемой и по антропологическим материалам) в степные районы была принесена традиция изготовления керамики с обмазанной поверхностью, характерная для горной зоны Северо-Восточного Кавказа.

Вислообушнные топоры "сачхерских" типов попадали в степное Предкавказье (Миатли, Орджоникидзеvский могильник, Дзаурикау, Бамут, др.), реже в Крым и даже на Вольтю (Стубло). Судя по по-

гребенням литейщиков, по обширной степной зоне расходились изделия северокавказских типов: топоры, долота и бронзовые крюки.

С эпохи ранней бронзы не прерываются традиции производства топоров, отлитых со стороны брюшка, обнаруженных в степной зоне от Днепра до Урала. Это подтверждают находки литейных форм в катакомбных погребениях Крыма и Донетчины, а также самих топоров в среднебронзовом контексте на Кавказе (Успенское, Дзаурикау).

Этим же периодом датируется комплекс из Утевского могильника в Среднем Поволжье. В Орджоникидзевском могильнике найдено погребение катакомбного времени с характерной подвеской, украшенной зернью, аналогичной подвеске из Утевского могильника.

Дальние связи Кавказа в эпоху средней бронзы документируются и находками прямых кавказских импортов: кинжал с литой металлической рукояткой в Поингулье, бронзовый орнаментированный топорик в Среднем Поволжье, топор-клевец в Приуралье, булавка с двуплунной головкой в Мордовии.

В Приуралье, в позднейших погребениях обнаружены изделия, подражающие кавказским образцам: топоры, ножи, долота, украшения. Их датируют эпохой средней бронзы на Северном Кавказе.

Начало активных связей эпохи средней бронзы — XXI в. до н.э. (анalogии некоторым твердо датированным предметам). Дата распространения в степи и на Кавказе восьмигранных долот устанавливается по находкам в Библе (клад Д) и в Сузах (период Ур III); ее подтверждает и находка молоточковидной булавки в Греции (Лерна V).

Сохранение связей в I-й четв. II тыс. до н.э. подтверждается находками вислообушного топора кавказского типа в составе клада Стубло и височной подвески в виде вербового листа в Среднем Поволжье; последняя датируется по аналогии с находкой из горизонта IV иранского Шах-Тепе. Для датировки связей следует использовать и дисконидные бронзовые бляшки с пуансонным орнаментом, широко распространенные в погребениях степной зоны от Северного Кавказа до Поингуля и Приуралья. На Южном Кавказе подобные бляшки известны из погребений т.п. ранних курганов, а датирующие образцы найдены в кладе из Библы и в одном из погребений Джамшиди-Тепе в Иране.

В эпоху поздней бронзы продолжались миграция кавказского населения в степную зону (кобяковская группа памятников на Нижнем Дону) и распространение изделий кавказских типов через степи Причерноморья. Однако, в начале этого периода лидирующая роль Кавказа в связях со степным миром ослабевает, что связано с формированием нового мощного Волго-Уральского центра культурогенеза.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИИМК В 1994 Г.

П.Азарте, Н.Д.Праслов (Брюссель, Санкт-Петербург) ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И СТРАТИГРАФИИ ПАЛЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Вопросы развития культуры ископаемого человека по археологическим данным не могут быть всесторонне и правильно освещены без четкой хронологической канвы. Использование типологии и метода аналогий часто приводит к заключениям, которые не выдерживают проверки методами естественных наук, причем сами эти методы пугаются в постоянном перекрестном контроле и в совершенствовании степени детализации. Например, геология может оперировать более крупными отрезками времени, вполне достаточными для понимания геологических процессов, у палеонтологии свои критерии. Более детальные картины динамики процессов смены растительности могут характеризовать климатические изменения. Однако все эти методы имеют свои ограничения в интерпретации так же, как и археологический. Поэтому при изучении палеолитических памятников желательно использование максимума всех известных в настоящее время методов изучения пород, включающих культурный слой, сформировавшийся на местах поселения древнего человека.

Далеко не все памятники имеют необходимые для этого условия. Необходим отбор наиболее интересных объектов, где комплексные исследования могут принести существенные результаты. К числу таких памятников могут быть отнесены Костенки на Дону, некоторые стоянки в бассейнах Днепра и Днестра и широко известные в науке стоянки Виллендорф в долине Дуная на территории Австрии и Дольни Вестонице и Павлов в Моравии. Все они включены в международную программу INTAS "Палеоклимат и эволюция природной среды на больших евразийских равнинах за последние 150 тыс. лет" (проект 93-1963), рассчитанную на три года.

В рамках программы предусмотрено использование самых различных методов и привлечение специалистов, работающих в лабораториях разных стран, в частности, Бельгии, Голландии, Германии и России. Помимо уже применявшихся палеонтологического, литологического, геохимического, палеонтологического, палеоботанического и радиоуглеродного запланировано использование антропологического, термолюминисцентного и палеомагнитного методов. В 1994 г. начаты работы по

комплексному изучению разрезов в Костенках 1, 14, 21, а также Виллендорфа 2, Дольни Вестонице и Павлова. Получены первые предварительные результаты, которые позволяют по-иному освещать проблему соотношения между собой памятников так называемого костенковско-павловско-виллендорфского культурного единства.

А.А.Синицын (Санкт-Петербург)

ДРЕВНЕЙШИЙ ПАЛЕОЛИТ КОСТЕНОК

Возобновление работ на Костенках 14 (Маркина гора) было связано с решением хронологических проблем костенковского палеолита и осуществлено в рамках международной программы стратиграфических исследований верхнепалеолитических памятников Евразии совместно с группой П.Азартса (Бельгия). Вскрытый в 1987 г. на небольшом участке IV-й культурный слой памятника -- необычный для Костенок тип культурных отложений. На площади ок.4 м² было зафиксировано чрезвычайно плотное скопление костей лошади, линзы зольности, локализованные скопления древесного угля. Археологический материал ограничивался крупным камнем и несколькими кремневыми чешуйками. Столь слабая насыщенность слоя культурными остатками при столь высокой насыщенности костями для Костенок -- явление исключительное. Как правило, здесь увеличение концентрации костей сопровождается и концентрацией культурных остатков. На вскрытом участке представлены в основном целые кости, в отдельных случаях сохранившие анатомический порядок. С другой стороны, наблюдался некоторая система в их распределении: три лопатки лошади были как бы выложены в линию, основная масса ребер локализовалась на ограниченной площади. Наиболее приемлемым объяснением скопления и характера отложений тогда казалась его интерпретация как места забоя животных (kill site) типа Амвросиевского костяка. Подтвердить или опровергнуть это могло только расширение исследованной площади.

Продолжение раскопок IV-го культурного слоя определено и его стратиграфическим положением под вулканическим цеплом в отложениях нижней гумусовой толщи. Если принять наиболее обоснованную на настоящий момент точку зрения на возраст цепла ок.38 тыс. лет до н.д., то возраст культурного слоя должен быть определен (как минимум) ок.40 тыс. лет. Под этим слоем был обнаружен еще один горизонт находок, представленный исключительно разрозненными костями волка. Находки были разделены стерильной прослойкой мощи. до 50 см. Учитывая, что похожая картина была зафиксирована А.Н.Рогачевым в 1953 г. когда, также на очень небольшой площади, были обнаружены два горизонта залегания костей лошади, обозначенные как "А"

и "Б", было решено не менять номенклатуры до полного прояснения ситуации. Соответственно, слой со скоплением костей лошади был обозначен IV-А, а слой с костями волка -- IV-Б.

В 1994 г. шурф расширен до 15 м². На всей вскрытой площади обнаружены остатки I-го культурного слоя, залегавшего в слабогумусированной прослойке покровных суглинков, (III-го?) культурного слоя, залегавшего под верхней гумусовой толщей (кое-где заходящий в нижний горизонт интенсивной гумусированности) и IV-го-А культурного слоя, приуроченного к отложениям нижней гумусовой толщи.

I-й культурный слой представлен только отдельными разрозненными костями мамонта и несколькими кремнями -- обычная картина окраинной части поселения.

Атрибуция III-го культурного слоя затруднена -- кремневый инвентарь практически отсутствовал. Основана она исключительно на стратиграфической позиции, аналогичной условиям залегания III-го слоя на исследованных в 1953-54 гг. участках памятника. Неожиданным оказалось на вскрытом участке преобладание костей мамонта.

IV-А культурный слой был вскрыт на площади чуть более 1 м². В отложениях -- большое количество костей лошади и скопления древесного угля. Из культурных остатков найдены 4 кварцитовых осколка (части одного изделия) и отщеп черного мелового кремня. Характер распределения костей отличен от вскрытого рядом в 1987 г. Скопление не имело столь высокой плотности, анатомические связи отсутствовали и, вместе с тем, наблюдалась определенная сортировка костей. Крупные кости здесь расположены как бы попарно: 2 плечевых, 2 берцовых, две пары по 2 лопатки. Подобная сортировка отлична от хаотического распределения костей на местах забоя животных и несет явные признаки человеческой деятельности. Сейчас трудно однозначно интерпретировать вскрытый участок IV-го-А культурного слоя; необходимо расширение площади или определение границ скопления.

Ю.Ю.Цыганов (Санкт-Петербург)

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ
БОРЩЕВО 2**

Борщевский отряд Костенковской палеолитической экспедиции продолжил изучение палеолитической стоянки Борщево 2 в приустьевой части Борщева лога, культурные слои которой приурочены к отложениям низкой террасы Дона. Стоянка открыта в 1922 г. П.А.Никитиным и С.Н.Замятниным, исследована П.П.Ефименко в 1923, 1925, 1929 гг. и Ш.И.Борисковским в 1936 г. В 1993 г. Отдел палеолита ИИМК РАН организовал комплексные исследования стоянки.

Работы 1994 г. являются продолжением работ по уточнению стратиграфического положения памятника и условий его залегания. От выявленной стенки раскопа 1936 г. вглубь террасы прирезан участок 4 м², ранее не исследовавшийся. Удалось вскрыть отложения, заключающие в себе культурные остатки и проследить их положение относительно органогенного горизонта, связь культурных слоев с которым отмечалась исследователями.

Культурные остатки залежали в двух генетически различных слоях: органогенном, серо-черном суглинке, мощн. 0.1 м, и подстилающем его сером гумусированном суглинке, вероятно, погребенной почве, мощн. 0.4 м. Эти два слоя перекрыты бурым тяжелым суглинком, вероятно, делювиально-аллювиального происхождения и подстилаются сильно опесчаненным суглинком желто-коричневого цвета с деформированными прослоями белесого песка.

Археологический материал залегал с разбросом по вертикали 0.5 м без отчетливых стерильных прослоек. Расчленение на культурные горизонты не представлялось возможным. находки залежали большей частью наклонно и на ребре. Налицо признаки переотложенности слоя.

Коллекция кремневого инвентаря 1994 г. -- 210 предметов. В качестве сырья использовали главным образом темно-серый меловой кремнь, реже цветной валунный кремнь, в единичных случаях -- кварцит. Техника расщепления в основе пластинчатая. Предметов со вторичной обработкой -- 29. Скребок -- 14: двойные скребки (имеют сильно выпуклые лезвия на двух противоположных концах заготовки) -- 2, концевые скребки на целых пластинах -- 3, концевые скребки на сечениях пластин -- 3, скребки на отщепах удлиненных пропорций -- 5, скребок на отщепе с оформленными плечиками. В целом скребки характеризуются отсутствием краевой ретуши. Резцов -- 11. По способу получения резцовой кромки делятся на срединные -- 3, боковые -- 5 и угловые -- 3. Острий -- 2. Острие с притупленным краем изготовлено из узкой пластины, конец образован прямыми краями (неретушированным и обработанным мелкой притупляющей ретушью). Основание острия заужено с двух сторон притупляющей ретушью. Другое острие представляет собой правильную пластину, один дугообразный край которой в верхней части отретуширован и образует с другим прямым неретушированным краем острый конец. Проколка на крупной пластине -- 1. Края пластины неретушированы, а кончик оформлен несколькими мелкими сколами. Пластинка с притупленным краем -- 1.

Фаунистические остатки редки, в основном это обломки костей плохой сохранности. Определяемая фауна: лошадь, мамонт, заяц.

Для выяснения вопроса о многослойности Борщево 2 необходимо продолжение исследований.

Б.Марколонго, Н.Ф.Соловьева (Падуя, Санкт-Петербург) ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ТУРКМЕНИСТАНА

Осенью 1994 г. Илгынлынский отряд Каракумской экспедиции ИИМК РАН, в работе которого принимали участие французские и польские археологи и геоморфологи из Италии, проводил исследования в трех направлениях: продолжение археологического изучения многослойного неолитического поселения Илгынлы-депе на Юго-Востоке Туркменистана; обследование прилегающих территорий с целью всесторонней реконструкции экологии окружающей среды в эпоху позднего плейстоцена -- голоцена; съемка топографического плана поселения Алтын-депе с использованием лазерного теодолита.

Основные усилия отряда были сконцентрированы на стратиграфическом раскопе 3, где доследован архитектурный комплекс строительного горизонта V. За семь лет исследований здесь полностью изучены четыре строительных горизонта и на половине площади вскрыты остатки строений пятого.

Хотя два верхних строительных горизонта содержали слои раннегеоксюрского времени (Намазга III), а нижние три -- ялангачского (Намазга II), и следовательно, имели принципиально различную орнаментацию керамики и иконографию антропоморфных терракотовых статуэток, тем не менее сохранялась полная преемственность архитектурных традиций, и даже в архитектуре ритуальных комплексов -- "святилищ", которые на протяжении всех 5 изученных горизонтов сооружались одно над другим, практически повторяя ориентацию, расположение входа и деталей внутреннего убранства парадных комнат, а также архитектуру жилых и хозяйственных помещений, входящих в комплекс "святилища". Однако, следуя в основном традициям, каждый новый комплекс имел свои отличительные черты, и раскопанные осенью 1994 г. хозяйственный и парадный дворы "святилища" горизонта V не явились исключением из правила.

Наибольший интерес представляет открытый хозяйственный двор, окруженный мощными сырцовыми стенами с толстым слоем штукатурки. Поверхность двора имела 4 слоя вымостки из битой керамики и (местами) мелкой гальки. В 3 углу был найден один из древнейших водостоков из неглубокой сборной ямы и узкой канавки, уходившей под наружную стену. Края канавки у устья были укреплены 4 большими плоскими поставленными на ребро камнями, а дно ямы и русло канавки были выложены битой керамикой. Поверхность двора имела небольшой наклон в сторону сборной ямы. В С углу находилась разрушенная в древности одноярусная двухчастная печь для обжига керамики. В СЗ части двора в пол были вмазаны 8 сосудов, из которых 3

вставлены один в другой по принципу матрешки. В центре двора и снаружи (напротив входа) стояли, частично врытые в пол, 2 больших треугольных камня, вероятно, несшие ту же смысловую нагрузку, что и женские каменные статуи.

Крытый парадный двор представлял собой копию двора горизонта IV с той разницей, что вместо двух сырцовых кресел найдено одно, и участок поверхности двора был вымощен битой керамикой.

Таким образом, благодаря вскрытию нового участка на стратиграфическом раскопе 3, уточнена планировка архитектурного ансамбля "святилища" строительного горизонта V, выявлены особенности данного комплекса по сравнению с более поздними, а также получены новые сведения об архитектуре развитого неолита.

На раскопе 5 уточнено стратиграфическое соотношение основных жилищно-хозяйственных комплексов и планировки в пределах раскопа для отдельных этапов строительства. Изучена эволюция во времени отдельного небольшого домохозяйства.

Итало-Российская археологическая миссия в рамках программы "Древняя окружающая среда и археологические памятники", вела работы по реконструкции эволюции древней окружающей среды в эпоху голоцена и выявлению зависимости расположения археологических памятников относительно изменений окружающей среды. Для распознавания ландшафта и понимания морфологических процессов, происходивших на обширной, ныне в основном пустынной, территории, были использованы космические снимки с большой разрешающей способностью (LAND MSS, SPOT, SOYUZ); их интерпретация позволила уточнить и развить результаты полевых обследований, и в дальнейшем использовать полученные данные для воссоздания связной картины флювиальных, плювиальных, неотектонических процессов и процессов выветривания, оказавших влияние на морфоструктурные образования.

Исходя из расположения древних русел рек и каналов, оказалось возможным установить общее движение в эпоху голоцена в западном направлении всей дивергентной дренажной системы дельты Мургаба и Теджена, видимо, обусловленное неотектоническими процессами. В результате двухлетних исследований была создана карта, демонстрирующая принципиальную геоморфологическую картину дельты Мургаба и ее окрестностей и расположение археологических памятников, тесно связанное с геоморфологическими структурами и их специфическими формами. Благодаря этому намечается модель концентрических зон заселения, со временем двигавшихся центростремительно из внешних полог дельты Мургаба к центру Мервского оазиса.

Осенью 1994 г. работы миссии были перенесены в окрестности Илгылы-депе и Алтын-депе. В результате обследования района с ис-

пользованием космических снимков были найдены древние русла рек Меана и Чаача и русло древнего канала. Расположение русел подтвердило уже выявленную ранее картину общего движения дренажной системы в западном направлении.

М.Б.Рысин (Санкт-Петербург)

**РАЗВЕДКИ В УСТЬ-ДЖЕГУТИНСКОМ РАЙОНЕ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Работы проведены по программе "Инвентаризация памятников истории и культуры" МК РФ. В результате разведок в Усть-Джегутинском р-не К-ЧР выявлено более 400 памятников археологии энеолита - позднего средневековья. В районе выделяются ландшафтные зоны: 1) долина р.Кубань (шир. до 3 км); 2) плоскогорья, ограниченные с Ю скальными обрывами - участки Пастбищного, Скалистого хр. (1000--2000 м над уровнем моря); 3) дол. рек и ручьев, пересекающих плоскогорья (Джегута, Джеганас, Кума, Карсунка, Эмрукай).

В расположении памятников археологии прослеживается горизонтальная зональность. Большая часть памятников (более 250) сконцентрирована на 1-й и 2-й надпойменных террасах Кубани. Здесь самые многочисленные курганные группы (до 60 курганов) и наиболее крупные насыпи, в том числе "Сангарау-Тюбе" (выс.16 м и диам. более 100 м). На 1-й террасе расположено и майкопское поселение Усть-Джегутинское, и Кубинское средневековое городище (более 20 га). Большинство грунтовых могильников выявлено на 2-й террасе Кубани, самые крупные из них (несколько сотен могил) -- к С от пос.Сары-Тюз. Курганы также встречены у краев плоскогорий и на гребнях водоразделов. Здесь обычно расположены одиночные курганы или группы из 2--3 насыпей, изредка -- цепочки из 5--10 курганов. Насыпи каменные, редко выше 1.5 м. На краях обрывов, господствующих над ущельями, расположены укрепленные городища, а поблизости от них, на плато -- селища. Городища обнаружены в долинах Кубани, Кумы, Джегуты, Эльтаркача, Эмрукай и Учкурки. Поблизости от городищ и селищ найдены и могильники. Скальные могильники аланского времени сосредоточены в долине р.Большой Эмрукай (более 100 могил), на отроге Токмак-Кая, у с.Кызыл-Кала и в верховьях Кумы.

Анализ территориального расположения памятников позволяет восстановить картину освоения региона в древности. В эпоху энеолита -- ранней бронзы земледельцы и скотоводы майкопской общности осваивали 1-ю и 2-ю террасы Кубани. Плоскогорья Пастбищного и Скалистого хребтов освоены, видимо, с эпохи поздней бронзы (кобанская культура). Судя по распределению памятников, в аланское время про-

исходит значительный рост населения. К раннему средневековью относятся наиболее крупные грунтовые могильники, курганы на плато и большинство известных бытовых памятников, в т.ч. крупнейшее городище у аула Кубина в долине Кубани. Безусловно, на активизацию освоения региона в раннем средневековье повлияло соседство, проходившего по долине Подкумка, ответвления Великого Шелкового Пути.

В заключение отметим наблюдение, сделанное при работах в фондах краеведческого музея г.Черкесска. В 1973 г. при раскопках курганного могильника у х.Важного Х.Х.Биджиев обнаружил несколько погребений майкопского времени с характерной керамикой. В погребении 3 кургана 2 найдены около 30 сланцевых браслетов, подобных обнаруженным на поселениях субстратной энеолитической группы майкопской общности (Мешоко, Яснова Поляна, Замок) и в Нальчикском могильнике. Значение находки, сделанной Биджиевым, трудно переоценить. Во-первых, нахождение браслетов вместе с красноглиняной майкопской керамикой подтверждает предположение о многокомпонентности майкопской общности (А.Д.Столяр). Во-вторых, этот факт доказывает верность периодизации памятников, предложенной А.А.Формозовым (синхронность поселений группы Мешоко, майкопских подкурганых погребений и Нальчикского могильника). В-третьих, заслуживает внимания обнаружение под курганами у хут.Важный погребений в каменных ящиках (как и погребения на стоянке Скала). Поскольку такой способ погребения не характерен ни для майкопской, ни для новосвободненской групп майкопской общности (представители новосвободненской группы совершали в каменных "гробницах" ранжированные погребения, а не рядовые), можно предположить, что каменные ящики использовали для погребений субстратные племена подгорной зоны. Вероятно, устойчивая традиция погребения в каменных ящиках, фиксируемая на Кавказе вплоть до средневековья, восходит к обрядовой практике субстратных энеолитических племен, входивших в майкопскую культурную общность.

Н.Ю.Кузьмин, И.П.Лазаретов (Санкт-Петербург)
ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ Р.УЙБАТ
(относительная хронология и культурная интерпретация)

В 1992--94 гг. два отряда Средне-Енисейской экспедиции под руководством авторов проводили спасательные раскопки в зоне реконструкции автодороги Абакан-Сорск в Усть-Абаканском р-не республики Хакасия. Работы произведены на участке с.Чарков-с.Усть-Бюрь (88--105 км трассы). Среди разновременных могильников в 7 пунктах исследован 21 комплекс (40 погребений) эпохи поздней бронзы. Памят-

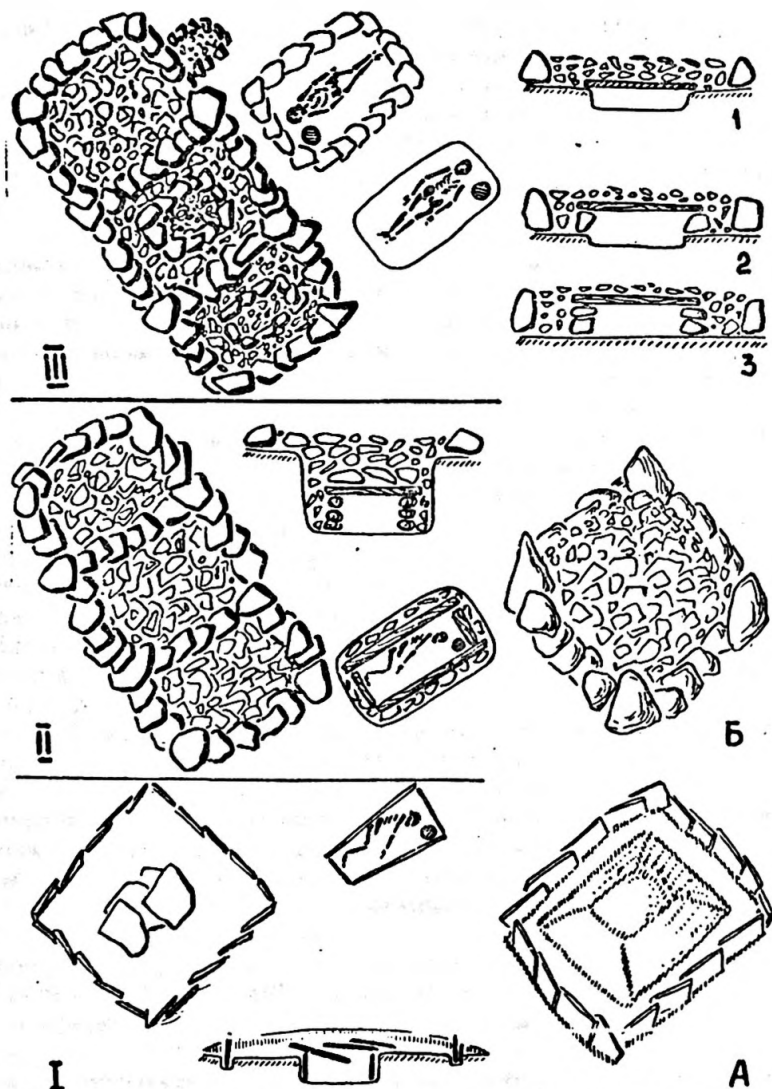

Рис. 1. Погребальные сооружения эпохи поздней бронзы в долине р. Уйбат: I -- карасукские, II -- карасук-лугавские, III -- лугавские; (1--3) -- типы могил.

ники карасукского типа представлены могильником Уйбат IV -- не менее 50 погребальных сооружений, из которых исследовано 7. Все -- прямоугольной формы, сооружены из врытых на ребро тонких плит песчаника. Могилы -- трапециевидные каменные ящики, выс. до 0.5 м, перекрытые на уровне древней поверхности плитами. Покойники лежат на левом боку, шолоборота, вытянуто, головой на СВ (рис.1:1). Слева у головы погребенных поставлены 1-2 круглодонных сосуда с высоким гладким венчиком, украшенным по тулову резным геометрическим орнаментом. Изделия из бронзы немногочисленны: главным образом, мелкие украшения (височные кольца, гвоздики, пронизки).

Восстановить первоначальный облик карасукских погребальных комплексов сложно. Видимо, после завершения захоронения над могилой возводилось земляное полусферическое или усеченно-коническое сооружение, не достигавшее границ ограды (рис.1:А). Иначе ее стенки из тонких, неглубоко врытых плит были бы разрушены.

Памятники лугавского (каменноложского) типа исследованы в 5 пунктах. В отличие от карасукских, они не образуют крупных могильников, а располагаются в степи небольшими группами (до 10 сооружений) и одиночными курганами. Ограды прямоугольные, часто с пристройками (до 8), сложены из рваных глыб и плоских камней на уровне древнего горизонта. У некоторых отмечены контрфорсы и массивные угловые камни. Пристройки с захоронениями взрослых людей располагаются обычно в ряд по линии СЗ-ЮВ, детские погребения примыкают к ним с СВ. Могилы: 1) грунтовые ямы (глубиной до 0.5 м), возможно со срубами; 2) неглубокие (до 0.2 м) грунтовые ямы с каменной обкладкой по внешнему контуру на уровне древнего горизонта; 3) наземные цисты. Покойники лежат на спине вытянуто (в одном случае - на правом боку с подогнутыми ногами), головой на ЮЗ, реже на СВ, иногда со значительными отклонениями (рис.1:III). Слева или справа от головы погребенного - один сосуд, как правило круглодонный, украшенный оттисками штампа, иногда в сочетании с прочерченным орнаментом. Орнаментация зоны венчика обязательна. Изделия из бронзы представлены ножами с грибовидными шляпками, мелкими украшениями (височные кольца, пуговицы, обоймочки), бляхой-розеткой, узким перстнем с двумя миниатюрными выступами.

Благодаря сохранности лугавских комплексов достоверна реконструкция их первоначального облика. По совершении погребения внутреннее пространство сооружения до верхней кромки ограды заполнялось камнем и курганы приобретали вид прямоугольной насыпи выс. 1 м (рис.1:Б). От разрушения ее предохраняли внешние контрфорсы.

Кроме того, в пункте 6 исследован погребальный комплекс, сочетающий в себе элементы нескольких культурных традиций. Его топог-

рафия и конструктивные особенности оград (кладка из глыб рваного камня на уровне древней поверхности) аналогичны лугавским, однако покойники лежат "по-карасукски", на левом боку, вполоборота, вытянуто, головой на СВ. Определенный синкретизм наблюдается и в ornamentации керамики. Погребения совершены в глубоких (до 1 м) ямах со срубам в 2-4 венца. Пространство между бревнами и земляными стенками заложено камнем. Деревянное перекрытие располагалось значительно ниже уровня погребенной почвы, непосредственно на срубе. Верхняя часть могильной ямы была заполнена крупными каменными глыбами и землей (рис.1:II). Подобное устройство погребальной камеры характерно для андроновской культуры.

Относительная хронология карасукских и лугавских могильников основана на типологическом анализе погребального обряда и инвентаря, с последующей привязкой к заведомо поздним комплексам скифской эпохи. Сопоставление карасукских и раннетагарских памятников показывает полное несовпадение между ними. Исключение составляют некоторые элементы погребальной обрядности, но лишь те, которые свойственны и другим группам населения Минусинской котловины эпохи поздней бронзы. Лугавское наследие в подгорновских памятниках отчетливо: общая система размещения пристроек к основной ограде, угловые камни, контрфорсы, групповые ямы со срубам, укрепленными снаружи камнем, положение погребенных на спине вытянуто. Об относительно позднем возрасте лугавских памятников свидетельствует типология некоторых категорий вещей, особенно блях-розеток и перстней, и кроме того, стратиграфические наблюдения (Савинов 1991).

Исследования в долине р.Уйбат подтверждают хронологическую схему, разработанную М.П.Грязновым на материалах раскопок центральной Хакасии (Грязнов 1965, 1968). Однако, открытым остается вопрос о причинах и механизме формирования лугавских памятников. Гипотеза об энеолитических корнях оставившего их населения (Членова 1960, 1972, 1990; Новгородова 1970, 1989; Хлобыстина 1962, 1972) не выдерживает критики с антропологической и археологической точек зрения (Козинцев 1977; Максименков 1975; Лазаретов 1992). Не вполне согласуется с современными данными и гипотеза о возникновении лугавских памятников исключительно вследствие внутреннего развития карасукской культуры. Сторонники этой концепции либо игнорируют поразительное сходство бронзовых изделий Минусинской котловины, Тувы, Монголии и Забайкалья, либо считают его следствием межкультурного обмена (Грязнов 1956, 1968; Максименков 1975; Комарова 1975; Вадецкая 1976). Между тем, лугавские комплексы на юге и западе Хакасии, в частности района Уйбата, демонстрируют детальное совпадение погребальных сооружений (ограды-платформы,

сложенные из рваного камня на уровне древнего горизонта, грунтовые ямы, ямы с обкладкой по контуру, наземные цисты) с памятниками монгун-тайгинского типа Тувы (Чугунов 1994). Единновременное и массовое распространение такого рода конструкций невозможно объяснить торговыми связями. Полученные материалы скорее свидетельствуют о проникновении в Минусинскую котловину значительных групп населения с юго-востока, через Саяны. Частые находки предметов вооружения (кинжалов, ножей с гардами, наконечников копий, ПННов) и деталей конской узды (3-х дырчатых псалиев) позволяют видеть в них первых в Южной Сибири воинво-всадников. О возросшей подвижности населения говорит и изменение топографии памятников. Появляется множество небольших лугавских могильников и одиночных курганов, разбросанных по степи, вдали от водных источников. Вторжение ино-родного населения нарушило естественное развитие карасукской культуры. Памятники этого периода демонстрируют многочисленные варианты механического смешения разноэтнических элементов. В дальнейшем наблюдается их нивелировка и формирование единой традиции, сочетающей карасукские и привнесенные центрально-азиатские особенности, с преобладанием последних. В СЗ районах Хакасии в этот процесс, вероятно, было вовлечено и андроновское население.

В сложившемся виде лугавские комплексы ритительно отличаются от карасукских. Дальнейшее их объединение в рамках одной культуры представляется нецелесообразным. Учитывая, что поселение и могильник у с. Лугавское в наиболее концентрированном виде отражают характерные особенности этого типа памятников, желателно сохранить за ними название "лугавская культура", предложенное Н.Л.Членовой.

Н.А.Боковенко (Санкт-Петербург) **НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ** **В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ХАКАСИИ**

Одним из важных аспектов сибирской археологии является проблема хронологии и соотношения различных культурных традиций в конкретном регионе. Методика сплошного исследования археологических микрорайонов, выработанная С.А.Теплоуховым и М.П.Грязновым, позволяет наиболее объективно выявлять последовательность смены памятников и культур, проследить общую тенденцию их развития и формирование локального свособразия.

В 1994 г. отряд Среднесибирской археологической экспедиции ИИМК РАН проводил спасательные раскопки у с.Казановка в зоне строительства автодороги Аскиз-Бирикчюль (Аскизский р-н Респ. Хакасия). Район является зоной перехода обширных степей в предгорья

Кузнецкого Алатау и количество удобных участков для поселений и создания могильников у древнего населения было весьма ограничено. Это обусловило большую концентрацию археологических объектов в зоне строительства. Исследованные памятники относятся к двум хронологически последовательным историко-культурным срезам: карасукской и тагарской культурам (кон. II -- нач. I тыс. до н.э.).

Карасукский этап карасукской культуры представлен 10 подквадратными оградами из вертикально вкопанных плит (могильник Казановка II). Ограды стандартны -- ок. 3x3.3 м для взрослых и чуть меньше -- для детей. Погребенных хоронили в прекрасно сделанных трапециевидных каменных ящиках, головой на СЗ. Несмотря на ограбление могил, украшения одежды и фрагменты посуды позволяют уверенно атрибутировать данный комплекс.

Каменоложский этап (лугавский по Н.Л.Членовой) этой же культуры представлен тремя оградами (Казановка II, IV), которые стратиграфически находятся выше собственно карасукских. Ограды подпрямоугольные (3x4 м); трапециевидные и прямоугольные неглубокие могилы перекрыты плитняком. Ориентировка вытянутых погребенных -- на З, один случай -- на В. Заупокойную пищу усопшим ставили как и на предыдущем этапе: слева от головы -- жидкую пищу в глиняном горшке, в ногах -- определенный набор частей туши овцы. Сосуды позволяют уверенно датировать эти комплексы.

Банновский этап тагарской культуры представлен комплексом (Казановка II, к.5). Захоронение взрослого совершено в трапециевидном каменном ящике (1.85 x 0.6-0.8 м, на глуб. 0.4 м). Погребенный уложен головой на СЗ, в позе "всадника", на спине. Заупокойная пища расположена, как и в предшествующее время: в головах -- жидкая пища в горшках, в ногах -- мясная. Баночный сосуд и бронзовое зеркало на поясе -- раннетагарского облика.

Подгорновский этап тагарской культуры. Большая серия (могильники Казановка II, к.1 и III), как правило, пристроенных друг к другу прямоугольных оград (17 оград, 23 могилы). Наблюдается две системы сооружения пристроек: кустовая и цепочечная. Первая продолжает традиции эпохи бронзы, вторая -- отражает новые представления скифской эпохи о пространственной линейной иерархии погребенных на могильнике. Ограды большие (6x8 м, 4.5x5.6 м и т.п.) с одной или двумя могилами внутри. Ямы просторные (3x2 м, 1.8x2.3 м, глуб. до 1 м) для индивидуальных погребений, хотя встречаются и нарные захоронения взрослых с детьми. Ориентировка погребенных западная, с небольшими отклонениями к северу. Предварительный анализ позволяет усматривать в каждой из оград захоронение семьи по мере умирания ее членов. Выделяются мужские захоронения с комплектом во-

оружения (бронзовые кинжалы, ножи, зеркала и шилья архаического облика) и предметами туалета (костяные гребешки и бусы). Женщинам кроме украшений в виде низок бус, также клали ножи и шилья. Расположение заупокойной пищи аналогично предшествующим погребальным нормам, хотя формы посуды несколько меняются по сравнению с образцами эпохи бронзы. Типичны для подгорновского времени большие банковидные сосуды с хорошо выделенным и скошенным наружу венчиком и орнаментом на тулове в виде горизонтальных желобков. Прекрасно выполнены кубковидные и стакановидные сосудики.

В окрестностях с.Казановка обнаружены комплексы наскального искусства: окуневская личина (Хурчах хол II), сюжет из многочисленных идущих коней с колесницей карасукского времени (Хурчах хол I), копытообразные знаки и фриз с изящными изображениями оленей раннескифского облика (Хурчах хол III, Пес хая 1).

Материал свидетельствует о преемственности в этом микрорайоне между погребальными памятниками карасукской и раннетагарской эпох (близкие формы оград и положение погребенных, определенный набор и устойчивое расположение погребальной пищи), что является еще одним аргументом в пользу традиционной точки зрения на последовательность развития культур в Минусинском крае (Грязнов 1967).

А.В.Субботин (Санкт-Петербург) **РАБОТЫ ПО УЧЕТУ ПАМЯТНИКОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ** **И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛАНДШАФТНОЙ АРХЕОЛОГИИ**

В 1994 г. Сибирская археологическая экспедиция ИИМК РАН продолжала паспортизацию археологических памятников в Шарыповском р-не Красноярского края, начатую в 1992 г. Работы проведены по заказу и на средства НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры при Красноярской краевой администрации. За три сезона Разведочный отряд провел свыше 40 маршрутов по всему району и Ю половина района обследована почти с исчерпывающей полнотой. На государственную охрану сдано 120 археологических памятников. На каждом объекте была осуществлена инструментальная теодолитная съемка памятника и прилегающей к нему территории, проведена фотофиксация. Каждый памятник подробно описан и нанесен на карту. В соответствии с требованиями инструкции по составлению охранной документации Министерства культуры РФ топографические планы были вычерчены в масштабе от 1:500 до 1:2000, горизонтали проведены через 0.5 м, либо через 1 м.

Большинство памятников -- курганные могильники. Как правило, они состоят из 3--6 курганов, однако встречены (г.о. на Ю) могильни-

ки, насчитывающие до 80 насыпей. Нередки отдельные курганы. Они крупнее, насыпи сильно задернованы, покрыты густой, высокой травой. Некоторые насыпи подвергаются распахке. По форме и ряду характерных деталей, большинство курганов относится ко времени существования в Южной Сибири тагарской культуры -- I тыс. до н.э. В полях многих курганов вкопаны крупные песчаниковые плиты -- угловые и простеночные камни оград; на ранних насыпях (как правило небольших размеров) в ряде случаев хорошо видны и сами плиты оград. Угловые и простеночные камни встречены не на каждом кургане. Часть из них была выворочена при хозяйственном освоении территории.

Из сданных под охрану памятников около половины были известны сотрудникам экспедиции ранее. Значительная их часть обнаружена в результате полевых работ, проводимых экспедицией в этом районе, на территориях строительства первоочередных объектов КАТЭКа, начиная с 1977 г. Некоторые памятники, расположенные главным образом в р-не с.Ораки, известны археологам с начала XX в. К ним относятся могильники тагарской, карасукской, андроновской культур, изучавшиеся в 1920-е годы Г.П.Сосновским, а также наскальные изображения на г.Кедровой, открытые А.В.Адриановым. Небольшие раскопки проведены здесь в 1960-х гг. А.И.Мартыновым.

Среди вновь открытых памятников преобладают курганы, хотя встречаются и поселения. Значительная часть последних - однослойные. Судя по подъемному материалу (как правило, это фрагменты керамики, орнаментированной по венчику, а также мелкие, часто обожженные кости), они относятся к эпохе поздней бронзы - раннего железа. На некоторых памятниках были заложены шурфы, для определения границ поселения и толщины культурного слоя. Площадь большинства была определена по распространению подъемного материала.

Помимо курганов и поселений документация составлена на: а) два раннесредневековых земляных городища с прекрасно сохранившимися валами и рвами, обнаруженные на 3 берегу о.Белое; северное, круглое -- в 3 км от воды, южное, прямоугольное -- на самом берегу; б) остатки средневековой крепости, представляющие собой широкий вал из битого камня небольших размеров, охватывающий полукругом с несколькими разрывами верхушку одной из гор (другая сторона представляет из себя утес) к С от о.Большое; в) расположенное на соседней по отношению к крепости горе старинное хакасское кладбище из 20--30 грунтовых могил с каменным покрытием, ориентированных длинной осью по линии ЗВ; г) курганный могильник эпохи бронзы из 10--15 небольших насыпей с оградками и угловыми камнями; д) ряд древних поселений, которые по кремневому подъемному материалу могут датироваться от неолита до эпохи поздней бронзы.

Характер расположения и количество памятников в районе сильно отличается в его Ю и С частях. На юге, в речных долинах между отрогами Кузнецкого Алатау и Восточного Саяна, памятников много. Они представлены в большинстве своем крупными курганными группами, которые находятся в основной массе у подножий гор, чаще на пологом склоне; как правило, с одного курганного могильника виден другой, а то и два сразу. На севере района, где преобладает увалисто-степной ландшафт, курганы занимают либо вершины водоразделов, либо края высоких надпойменных террас, зачастую невдалеке от устьев рек или ручьев. Памятников здесь гораздо меньше, курганы крупные, часто одиночные, камни оград в насыпи крайне редки. Граница, разделяющая два массива памятников, проходит примерно посередине района и представляет собой узкую высокую гряду, тянущуюся с З на В. Вилотную к ней подходят залесенные склоны горных массивов.

Отличия в архитектуре курганов и характере расположения археологических объектов на С и Ю района свидетельствуют о разных культурных моделях и представлениях о погребальной обрядности и ритуале у занимавших эти земли групп древнего населения. Важную роль сыграл здесь ландшафтный географический фактор.

Ряд интересных наблюдений по топографии разновременных археологических объектов в регионе будут опубликованы после завершения работы по паспортизации памятников археологии и древней истории. Необходимо проведение подробного обследования С территорий района, высоких надпойменных террас р.Урюп, водоразделов. Появление археологической карты района планируется после сезона 1996 г.

С.В.Красниенко (Санкт-Петербург)
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА -
- БРОНЗОВОГО ВЕКА В ШАРЫПОВСКОМ РАЙОНЕ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В 1993--94 г. отряд Сибирской экспедиции ИИМК РАН обследовал территорию Шарыповского р-на Красноярского края. В результате работ открыт ряд новых и проведено изучение уже известных могильников, местонахождений и поселений, что расширило представления о многообразии находящихся здесь археологических памятников.

Итогом работ 1994 г. стало обследование (раскопки и сбор подъемного материала) 10 памятников, материал которых можно отнести к неолиту и различным культурам эпохи бронзы и раннего железа.

Сартачуль. На З берегу оз.Большое (месте сосредоточения значительного числа памятников различных эпох), на п-ове Красная Глина, в 0,5 км от В околицы дер.Сартачуль было открыто поселение. Зало-

жено 2 раскопа (132 м²). Стратиграфия по всей исследованной площади однородна: 0.0--0.1/0.2 м -- дерн и часть культурного слоя (коричневый суглинок); 0.1/0.2--0.3/0.4 м -- культурный слой (коричневый суглинок с включениями обломков материкового красно-коричневого скальника и паходок); ниже 0.3/0.4 м -- материк: красноватая суглинистая порода с включениями и даже выходами материкового красно-коричневого скальника (песчаника). Насыщенность культурного слоя находками слабая. Обнаружено более 400 фрагментов керамики, в т.ч. ок.150 орнаментированный, незначительное количество костей животных, обломки зернотерок из песчаника, камешные крышка сосуда, фрагмент полированного песта, обломок кремневых нуклеуса и отщепов, сланцевое орудие (скрсебок?). Площадь поселения ок.1300-1800 м². Керамика (предварительно) отнесена к андроновской культуре, но имеет и особенности, присущие керамике таежных регионов.

Берешское III. На С берегу р.Береш, в 2 км к СЗ от одноименной деревни продолжено исследование поселения Берешское III (по раскопкам С.Б.Гультова в 1988 г. -- "Егорьевский Мыс"). Стратиграфия раскопа на краю береговой террасы р.Береш свидетельствует об однослойности поселения: 0.0--0.15/0.2 м -- дерн и часть культурного слоя (темно-коричневый перегной с включениями небольшого количества материковой гальки); 0.15/0.2--0.4/0.5 м -- культурный слой (темно-коричневый перегной); ниже 0.5 м -- материк (супесчаная порода с включениями речной гальки). Насыщенность культурного слоя находками небольшая. Найдено 844 фрагмента керамики (орнаментированных -- 18 венчиков/385 стенок/33 донца, неорнаментированных -- 58/345/5), небольшое число костей животных (овцы), а также костяной и кремневый наконечники стрел, фрагменты камешных оселка и сосуда. На панольной распахиваемой части поселения, на площади более 1500 м² собрана орнаментированная и неорнаментированная керамика, кости животных, изделия из кости и рога (2 проколки, 2 наконечника стрелы, подвеска из зуба животного, 2 сточенных бараньих бабки, использовавшихся для заглаживания поверхности глиняных сосудов), камня ("утюжок", "пуговица"?, обломок терочника) и кремнистой породы (обломки заготовок наконечника дротика и скрсебка, обломок комбинированного орудия скрсебок-острие, обломок орудия на пластинчатом отщепе, торцовой нуклеус, 2 фрагмента торцовых ядрищ, пластинчатые сколы с ретушью, отщепы, треугольные сколы, сколы подправки нуклеусов, осколки). Керамика относится к андроновской и карасукской (каменоложский этап) культурам.

Берешское I. В 0.5 км к ЮВ от Берешского III (по направлению к дер.Береш) на вершине небольшого увала, вплотную подходящего к реке, на пашне собрано небольшое количество фрагментов керамики

андроновского и каменоложского типа и отходы каменн... (отщепы и сколы светло-серой кремнистой породы).

Берешское VII. В 4 км к СЗ от дер. Береш, между рекой и полевой дорогой на Березовскую ГРЭС на площади ок. 400 м² собраны кремневые отщепы, в т.ч. пластинчатые, осколки и обломок заготовки наконечника стрелы.

На левом берегу р. Береш на окраине пос. Холмогорье открыто 2 местонахождения.

Холмогорское III. В 0.2 км к Ю от моста через р. Береш на трассе Холмогорье--Шарыпово в обнажении береговой террасы найдены обломки неорнаментированной тагарской керамики и кости животных.

Холмогорское V. В 1 км к С от предыдущего, также на краю речной террасы на СВ окраине поселка обнаружено поселение. На распаханной части (ок. 1000 м²) собрана неорнаментированная тагарская керамика, орнаментированная андроновская (?), роговая проколка, фрагмент каменного оселка, костяной наконечник стрелы.

Усть-Парная I. В дер. Усть-Парная (в 16 км к Ю от г. Шарыпово) на береговом мысу при впадении реч. Парная в р. Береш продолжено исследование поселения, открытого в 1975 г. Д. Г. Савиновым (1976: 275--276). Памятник интенсивно разрушается. На краю террасы были заложены 2 раскопа (по 8 м²). Обнаружены фрагменты ирменской (каменоложской) керамики, фрагмент костяного удила, грубооббитое каменное орудие (рубилло), кремневые скол и 2 обломка пластин. На распаханной части поселения найдены фрагменты орнаментированной керамики, бронзовые каменоложский нож и ременная пряжка, кремневые отщепы и обломок заготовки орудия со следами ретуши.

Усть-Парная II. На противоположном берегу реч. Парная в обнажениях берега р. Береш и вдоль полевой дороги Усть-Парная--трасса Шарыпово--Горячегорск собрана орнаментированная и неорнаментированная керамика, скребок из черного кремня, 2 кремневых отщепы с ретушью (один -- с выемчатой), пластинчатый скол с нуклеуса, отщеп, обломок пластины, нуклеидный обломок.

Развилка II. К С от предыдущего пункта близ перекрестка упомянутых дорог (в 13 км от г. Шарыпово) отмечено скопление подъемного материала. Здесь было собрано значительное количество кремневых изделий: торцевых нуклеусов, торцевых и призматических микроядриц, их обломков, скребков (в т.ч. концевых) и др. орудий, обломков наконечников стрел, пластинок и микропластинок (в т.ч. с ретушью), отщепов, сколов, осколков и чешуек.

Озеро Попово. В окрестностях г. Шарыпово, в 3 км к ЮВ собрана неорнаментированная тагарская керамика, обожженные кости животных и куски шлака.

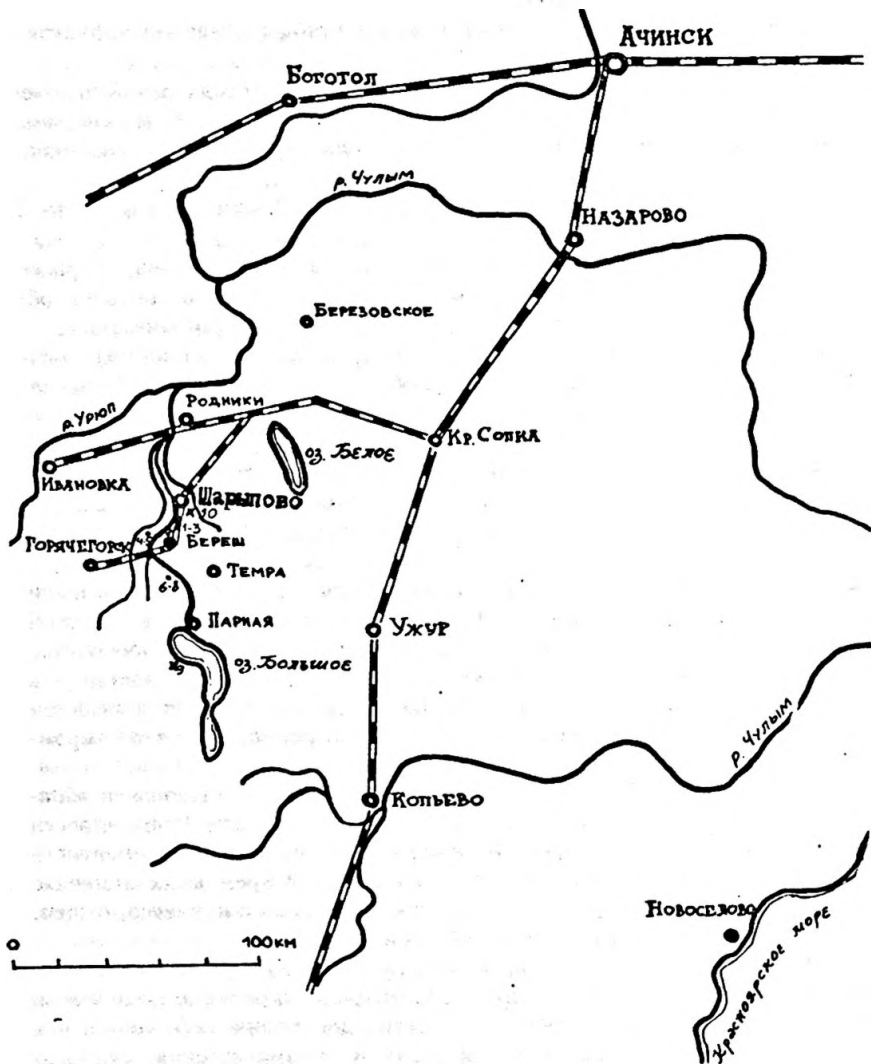

Рис.2. Поселения эпохи неолита--бронзы в Шарыповском р-не Красноярского края: 1, 2, 3 -- Берёшское III, I, VII; 4, 5 -- Холмогорское III, V; 6 -- Развилка II; 7, 8 -- Усть-Шарная II, I; 9 -- Сартачкуль; 10 -- Озеро Попово.

По мнению ознакомившегося с коллекцией каменных орудий и отходами каменной индустрии всех местонахождений Н.Ф.Лисицына, перечисленные предметы широко распространены на данной территории в период неолита--бронзового века.

Окончательное заключение о культурной принадлежности полученных материалов впереди, т.к. степень изученности поселенческих памятников в этом регионе невелика и только целенаправленные работы в этом направлении способны дать хорошие результаты.

М.Н.Пшеницына (Санкт-Петербург) **НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ТАГАРСКОЙ** **И ТАШТЫКСКОЙ ЭПОХ У САЯНОГОРСКА НА ЮГЕ ХАКАСИИ**

С 1992 г. Бейская экспедиция начала работы по спасению археологических памятников в зоне индивидуального строительства пос. "Южный Ай-дай" г.Саяногорска. На ЮЗ окраине города в местности Ай-дай на расстоянии 300-600 м к Ю от шоссеиной дороги из г.Саяногорска в дер.Калы, на территории, отведенной под строительство первой очереди пос."Южный Ай-дай", расположено 6 больших курганов тагарской культуры. 5 из них к началу раскопок имели хорошо сохранившиеся земляные насыпи (выс.1.3--4 м, диам.18--40 м). Первоначальная насыпь еще одного кургана уничтоженного многолетней распашкой, сохранилась на выс.0.5--0.7 м, диам. ок.11.5 м. В 1992-94 гг. в этой курганной группе -- Ай-дай III -- исследовано 5 курганов, в которых оказалось 8 основных могил с индивидуальными и коллективными погребениями и 7 дополнительных.

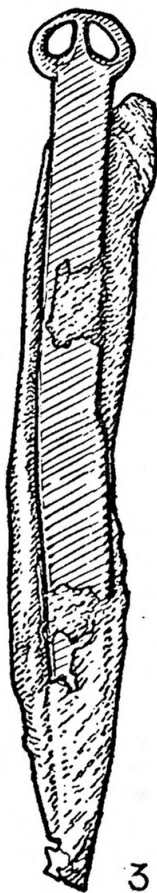
Под земляными насыпями трех курганов (выс.1.7--2.5 м диам.25--30 м обнаружены прямоугольные ограды (23x27 м), сложенные из песчаниковых плит. В одной из оград -- 1, в другой -- 2, в третьей -- 3 основных могилы (3.3x3.6--4x4.1 м, глуб.1.5--2 м) с индивидуальными захоронениями. В каждой из могильных ям сохранились остатки бревенчатого сруба с дощатым полом. В одной из могил кургана 4 на полу сруба стоял гроб наподобие колоды, выдолбленной из толстого ствола лиственницы. Крышка для нее была сделана из другого такого ствола. Колода (2.4x1.3x0.4 м) была тщательно обработана по всей поверхности. Вся внешняя поверхность колоды и крышки, а также пол сруба были закрыты листьями бересты. Ямы покрыты 1--2 накатами из бревен. Стенки сруба и покрытия ям застланы листьями бересты. Бревенчатое покрытие ям сверху часто заложено галькой и валунами в несколько слоев. Могилы ограблены. Из инвентаря следует отметить находки стеклянных глазчатых бус и бус из бирюзы и сердолика, фрагментов диадем из листового золота и бронзового литого навершия.

1

2

3

4

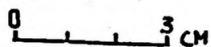

Рис.3. Могильник Ай-Дай III, курган 5.

В 2 курганах (выс.0.5--1.3 м, диам.11--18 м) под остатками насыпей находилось по одной могиле (4x4 м и 4.2x4.4 м, глуб.1--1.5 м) с коллективными погребениями взрослых и детей. Вокруг одной из могил была сооружена ограда (8x9 м) из вертикально врытых песчаниковых плит. В яму поставлен бревенчатый сруб с потолком и дощатым полом. Сверху ямы покрыты бревенчатыми пакатами. Одна из могил, где захоронено не менее 33 человек, почти не затронута грабителями.

В коллективных захоронениях обнаружены орудия труда и оружие из бронзы. Значительный интерес представляют находки чекана, украшенного двумя фигурками горных козлов на обушке (рис.3:1), ножа, рукоять которого завершена изображением головы хищной птицы, и ажурных "оленных" блях (рис.3:4). В одной из могил найдены 5 стандартных наборов ножей, шильев и зеркал в футлярах из кожи (рис.3:3). Тщательно отлитая фигурка горного козла является деталью бронзового навершия – украшения погребального ложа (рис.3:2).

Раскопанные курганы с индивидуальными и коллективными погребениями по устройству погребальных камер, обряду захоронения и инвентарю, в том числе и по формам глиняных сосудов (в основном кубковидных и баночных) датируются IV--III вв. до н.э.

Исследования могильника Ай-дай III дали новую информацию о социальном составе тагарского общества в IV--III вв. до н.э. Как и у кочевников Алтая, в среде тагарских племен в это время наблюдается процесс выделения родовой и племенной знати. Курганы знати по внешнему виду мало отличаются от курганов с родовыми склепами основного населения. Разница в том, что монументальные могильные сооружения в одном случае воздвигнуты над десятками и сотнями погребенных родоначальников, в другом - над индивидуальными могилами родовой знати. находка гроба-колоды из ствола лиственницы позволяет сделать предположение о существовании прямого контакта тагарского населения Присаянья в IV--III вв. до н.э. с другой группой раннекочевнических племен, обитавшей на Алтае – пазырыкской.

В 1993 г. в 6 км к З от могильника Ай-дай III, Н.Н.Николаев и Л.И.Рева открыли поселение таштыкской культуры – Ай-дай IV (1-я пол. I тыс. н.э.). Исследования 1993-94 гг. дали возможность собрать разнообразный подъемный материал: фрагменты керамики, 2 галечных песта, 9 обломков каменных зернотерок и камни со следами использования, а также поделки из кости - ложило и наконечник стрелы. Для определения границ поселения на площади 300x400 м были пробиты траншеи, в основном, в направлении СВ-ЮЗ, в которых обнаружено 9 хозяйственных ям и 3 ямки от столбовых конструкций.

Для уточнения датировки на С краю поселения был заложен раскоп 150 м², где на глуб.0.5 м обнаружены плотное скопление костей

животных с включениями фрагментов керамики и хозяйственная яма. Найдены также 2 железных и 3 костяных наконечника стрел, грузило для сетей из обожженной глины и каменный оселок.

Судя по результатам раскопок, поселение занимало площадь не менее 12 га и было одним из самых крупных в предгорной полосе. О хозяйственной деятельности его обитателей свидетельствуют находки каменных зернотерок, пестов, многочисленные кости домашних и диких животных, шлаки. Последние позволяют предполагать, что помимо земледелия, разведения крупного и мелкого рогатого скота, гончарства, рыбной ловли и охоты, жители занимались металлообработкой. К этому времени (1-я пол. I тыс. н.э.) повсеместное распространение получило железо, что подтверждают находки на поселении наконечников стрел и других поделок из железа. Бронзу продолжали использовать как недорогой поделочный материал для изготовления украшений.

Ю.А.Виноградов (Санкт-Петербург) **ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЕ ЗДАНИЕ НА ГОРОДИЩЕ МИРМЕКИЙ** **В КРЫМУ**

В последние годы основное внимание в изучении многослойного античного городища Мирмский (С оконечность Керченской бухты) сосредоточено на наиболее раннем этапе его истории (VI--1-я пол.V вв. до н.э.). Важными вехами стали: открытие серии ям 2-й четв.VI в. до н.э., строительных комплексов типа полуземлянок (в основном, 2-я пол.VI в. до н.э.), остатков ранней фортификации.

Одна из исторических проблем связана с кардинальным изменением в домостроительстве Мирмекия (переходом от строительства земляночных структур варварского облика к возведению наземных зданий греческого типа). Время перехода -- кон.VI--нач.V в. до н.э. (датировка "узкая", но не бесспорная). Ее дискуссионность, наряду с прочим, определена отсутствием на городище сколько-нибудь показательных, полностью изученных наземных построек периода поздней архаики.

В 1990 и 1994 гг. Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН начал изучение крупного здания у подножия большого скального выхода в ЮЗ части городища, т.е. акрополя. Здание имело простую планировку и значительную площадь. Уже сейчас (полностью не оконтуриено) размеры его -- ок.20x6 м. Постройка ориентирована широтно, следуя линии склона скалы. Узкое пространство между скалой и Ю стеной здания, вымощенное каменными плитами, могли использовать как внешний дворик или переулок.

В 1990 г. раскопано небольшое помещение (XII) и вымощенный каменными плитами внутренний двор(?), значительная часть которого

была покрыта золистыми прослойками и сажей, что, видимо, определялось функциональной принадлежностью соседнего с двором помещения (XXV). В нем находилась крупная печь, устье которой выходило именно сюда.

Помещение с печью частично (ок.60 м²) изучено в 1994 г. Это самое крупное помещение из известных ныне синхронных комплексов Мирмексия. Стены возведены из сырца на каменных цоколях. Цоколи (шир.0.65 м) сложены тщательно, из сравнительно крупных отесанных камней известняка с внешней стороны и мелких -- с внутренней. Из помещения имелся выход к Ю на вымощенный каменными плитами переулочек. Около лестницы из 2-х ступеней, которая вела из помещения, справа от выходящего, в земляном полу был обнаружен вкопанный вниз острием железный наконечник копья -- редчайшая (и очень ранняя!) находка античного оружия на городище.

В ЮВ углу помещения открыто основание упоминавшейся выше большой печи. Основание четырехугольное (1.9x1.6 м), боковые стенки сложены из некрупных камней (0.5 м от уровня пола). На сооруженном с помощью этих стен возвышении был устроен под печи; он выложен мелкими камешками, фрагментами амфор и сверху промазан глиной (5 см). С севера к печи примыкала зольная куча, где при разборке найдены обгоревшие зерна. Хозяйственное назначение данной конструкции сомнений не вызывает.

Находки из заполнения помещения XXV датированы кон.VI--1-й тр.V в. до н.э. Время строительства здания -- кон.VI--нач.V в. до н.э. Дата может быть уточнена благодаря открытию ямы (№71), перекрытой В стеной помещения XXV. Яма грушевидной формы (диам. дна 2.3 м, глуб.2.7 м). Верхний горизонт ее заполнения относится к нач.V в. до н.э.: здесь найдены обломки хиосских пухлогорлых амфор с неокрашенными венцами (пижиня часть одной из таких амфор была забита раковинами мидий), 6 ионийских одноручных чаш, украшенных полосами буроватого лака, так же орнаментированный ионийский кувшин. Скорее всего, этот горизонт представляет сброс, сделанный непосредственно перед строительством здания. Время возведения комплекса -- не ранее нач.V в. до н.э.

Это наблюдение имеет принципиальное значение для датировки обозначенного выше этапа в истории домостроительства Мирмексия. Однако, далеко вглубь V в. до н.э. время строительства здания отодвигать не следует, тем более, что в кон.1-й тр.V в. до н.э. оно прекратило существование. Данный комплекс, наиболее вероятно, возводился в начале столетия, а сброс керамики из ямы №71 может являться частью жертвоприношения, совершенного перед началом строительства.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ПАНСКОЕ I В КРЫМУ

После некоторого перерыва Тарханкутская экспедиция ИИМК совместно с Институтом классической археологии университета г. Орхус (Дания) продолжила раскопки поселения Панское I у Ярылгачской бухты в Северо-Западном Крыму, начатые в 1969 г. Работы удалось осуществить благодаря финансовой поддержке INTAS.

Программа исследований намечала продолжение изучения окраин поселения с целью выяснения стратиграфии, застройки, планировки и их пространственного, хронологического и функционального соотношения с центральной частью, а также проведение спасательных работ в разрушаемой распашкой зоне поселения и на некрополе, который с 1991 г. подвергается регулярному разграблению. Охранные раскопки, не предусмотренные программой INTAS, проводились ИИМК.

Отряд ИИМК возобновил изучение СВ окраины, где по рекогносцировкам находился крупный строительный комплекс, обозначенный на Генплане как участок У2. По результатам предварительного дистанционного обследования, строительный комплекс У2 (ок. 1000--1200 м²) прямоугольный, ориентированный углами по странам света с небольшим отклонением по отношению к ориентации основного района застройки. Раскопки 1987 г. в В части комплекса, вскрыли остатки индивидуального дома У2-1 (ок. 200--220 м²). К настоящему времени строительные остатки этого дома, как и предполагаемого соседнего нераскопанного здания У2-0, уничтожены распашкой. Первоочередной задачей стало изучение еще не разрушенных строительных остатков, непосредственно у границы современного поля.

На раскопе У2 (В. Столба, С. Кашаев) -- 412 м² -- раскрыт полный план жилого дома У2-2 и СВ часть соседней постройки У2-3 (рис. 4:1). Культурный слой и строительные конструкции относятся ко 2-му стратиграфическому горизонту и должны быть, видимо, связаны с последним, херсонесским периодом истории этого поселения.

Дом У2-2 занимал участок ок. 260 м². Его основные 5 помещений, расположенные в 2 ряда по две (пом. 10 и 15) и три (пом. 9, 13, 14) комнаты, занимали СВ сторону участка застройки. С ЮЗ стороны к ним примыкал небольшой внутренний дворик. По его левой, СЗ стороне находился ряд из трех хозяйственных помещений (16--18). Еще одно помещение (19) занимало Ю угол двора возле входа в усадьбу, который вел в нее с ЮЗ стороны. Рядом с этим помещением выявлена каменная обкладка горловины колодца или хозяйственной ямы (заполнение не разбиралось).

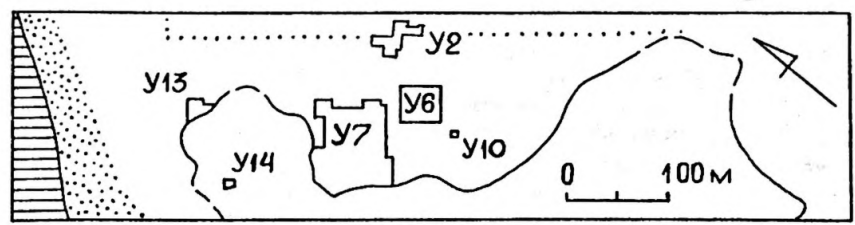
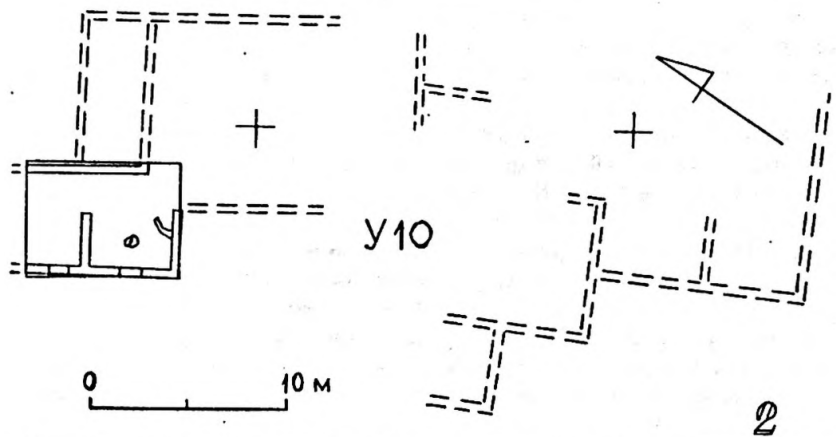
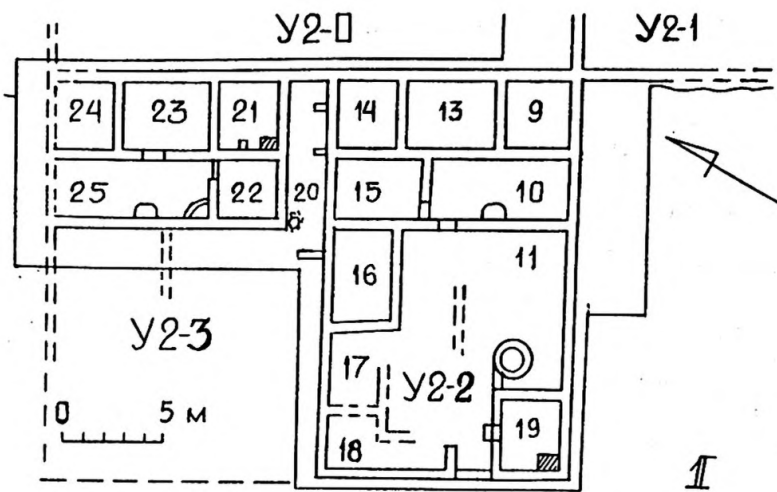

Рис.4. Поселение Панское I: 1 -- участок Y-2; 2 -- участок Y-10.

Стены были возведены в сырцово-каменной технике. Низкие цоколи, сложенные в одно-двухрядной с использованием орфостатов двухслойной иррегулярной системе кладки из местного рваного камня (известняки), сооружены на дневной поверхности. Ширина цоколей -- 0.55--0.6 м. Судя по небольшой мощности слоя (до 0.3 м) и другим признакам, все постройки усадьбы были одноэтажными.

Набор вещей малочислен и фрагментарен. Керамический комплекс относится к кон.IV--нач.III в. до н.э. Его верхнюю дату определяет херсонесское керамическое клеймо Притана Аристонова 2А группы Каца. При расчистках на уровне полов пом.14 и 19 обнаружены крайне плохо сохранившиеся остатки трех человеческих скелетов, которые принадлежали двум взрослым людям и ребенку.

Раскрытая СВ часть соседнего дома У2-3, пристроенная вплотную к описанной усадьбе, имела аналогичную композицию плана, но построенного зеркально по отношению к соседнему дому. Конструкция цоколей стен та же. Общая кладка СВ и ЮВ стен указывает на одновременность строительства усадеб по единому замыслу и плану.

Все 5 помещений дома (рис.4:1; пом.21--25) несли ярко выраженные признаки внезапного разгрома. В заполнении и на полах находились разбитые и раздавленные сосуды. В восточном угловом пом.21 на полу сохранились мелкие фрагменты черепа и молочных зубов ребенка, а в западном пом.25 при зачистке земляного пола выявлен контур разрушившихся костей еще одного ребенка. В области грудной клетки лежал працевой камень. В этом же пом.25 найдено фрагментированное чернолаковое рыбное блюдо со следами починки и граффито: "РЕБЕНКА (мальчика) [АР]ИСТОДАМА". Вполне вероятно, что небольшое блюдо принадлежало убитому в этом помещении ребенку.

Время образования керамического комплекса в доме У2-3 укладывается во 2-ю пол.IV--нач.III в. до н.э. Особое значение для понимания структуры и определения датировки подобных "жилищных" наборов в конкретном археологическом контексте приобретает сочетание разновременных датированных форм, бытовавших до момента пресечения использования. В данном случае среди домашней посуды присутствуют разновременные вещи, которыми пользовались постоянно. Анализ данного и подобных комплексов содержит, на наш взгляд, немало интересных интерпретационных возможностей.

Хотя описанный строительный комплекс требует продолжения раскопок до его полного раскрытия, некоторые общие заключения можно сделать уже сейчас. Планировочная структура комплекса У2 и конструктивное решение входивших в его состав построек отличаются от исследованных ранее участков застройки того же стратиграфического горизонта. Изучаемый комплекс представлял отдельный блок-квар-

тал, сооруженный, видимо, в одно короткое время по заданному плану и состоявший из группы (6?) плотно пристроенных друг к другу типовых одноэтажных домов. Планировочная композиция и площадь усадеб находят близкие параллели в домах Олиифа. Дома "олиифского" типа, насколько нам известно, в Причерноморье открыты впервые. Создается впечатление, что этот район населял особый по своему статусу коллектив семей поселенцев, пользовавшихся дорийским диалектом, на котором говорили херсонесцы, и появившихся здесь, видимо, ок. сер. IV в. до н.э.

Для работ датской группы (Л.Ханнестад) был выбран участок У10 на Ю окраине поселения. Здесь предполагается существование большого строительного комплекса (по предварительным данным -- ок. 1200--1300 м²) типа здания У6, или близкого к нему, и относящегося к херсонесскому периоду. В С части комплекса был заложен разведочный раскоп -- 128 м² (рис.4:2). В нем были обнаружены цокольные кладки стен двух помещений. Кладки относятся к двум или к трем строительным периодам 2-го стратиграфического горизонта, который по материалу из заполнения помещений предварительно может быть датирован 2-й пол. IV--нач. III в. до н.э.

Разведочный раскоп выявил определенное сходство и различия с соседним монументальным зданием У6. Как и в последнем, наблюдается закладка ранних дверных проемов. Здесь тот же тип кладки 1-го строительного периода. Однако кладка 2-го строительного периода расположена на более высоком уровне, а выявить соответствующий ее основанию уровень пола пока не удалось.

Керамический комплекс из заполнения помещений типичен для данного слоя. Необходимо отметить довольно высокую концентрацию мелких фрагментов терракот. Из С помещения происходят две фрагментированные терракотовые протомы Демстры, одна из которых, судя по характеру керамической массы, херсонесского производства, а вторая - синопского. Насколько нам известно, терракота синопского происхождения (за исключением архитектурной терракоты) в Северном Причерноморье зафиксирована в раскопках впервые.

На участке У10 был сделан также набросок плана кладок, прослеживающихся на поверхности (рис.4:2). Оказалось, что, композиция плана погребенного строительного комплекса, по-видимому, имеет две различающихся ориентации планировочных осей. Либо первоначально здесь было два разных комплекса, которые позднее были объединены, либо более поздний комплекс нарушил первоначальную планировку. Раскопки на Ю и СВ окраинах поселения показали перспективность намеченной программы исследований этого памятника.

Н.В.Головачева, В.Я.Рогов (Санкт-Петербург)
РАСКОПКИ АРХАИЧЕСКОГО СВАТИЛИЩА
НА ХОРЕ ОЛЬВИИ, УКРАИНА

Нижнебугская античная археологическая экспедиция ИИМК РАН в 1994 г. продолжала работы на сельских памятниках Ольвийской хоры. Основные усилия экспедиции были сосредоточены на исследовании зольного холма поселения Козырка II в 13 км к С от развалин древней Ольвии. Зольный холм (ок.60x50 м, мощн. до 1.5 м) состоит из чередующихся слоев, главные компоненты которых -- зола, глина (в том числе -- прокаленная) и перемещенный материковый суглинок. Слои зольника насыщены большим количеством находок, подавляющая масса которых относится к IV в. до н.э.

В Ю поле зольного холма, под напластованиями IV в. до н.э., на уровне древней поверхности почвы выявлены остатки прямоугольной постройки наземного типа (12x8 м), длинной стороной ориентированной по линии ЗВ. В плане постройка напоминает мегарон: два смежных друг с другом помещения, одно из которых не имело торцевой внешней стены. Толщина внешних стен 0.6 м, стены между помещениями -- 0.4 м. Внутренняя стена сложена из окатанных или грубо обколотых камней и плит в технике иррегулярной постелистой кладки. Высота покоя 0.3--0.4 м. Внешние стены -- глиняно-сырцовые, понизу (на отдельных участках с внешней стороны и внутри здания) они были укреплены вертикально установленными мелкими известняковыми плитками. Стены здания повреждены древними выборками камня, но сохранность их позволяет сделать надежную реконструкцию.

Западное помещение (ок.24 м²) соединено с восточным посредством дверного проема. Пол в помещении земляной. В ЮЗ углу открыта овальная яма (0.9x0.5 м, глуб.0.3 м) с прокаленными стенками. У ямы положены три плоских известняковых плиты, служивших в древности, вероятно, подставкой. Судя по всему, помещение было перекрыто однокатной крышей.

Восточное помещение (ок.60 м²), скорее всего, перекрытия не имело. С З оно ограничено внутренней стеной, с Ю и С -- внешними стенами постройки, на В, в сторону Бугского лимана, помещение было открытым. В центре открыто алтарное сооружение, перекрытое сверху глиняной подушкой мощн.0.25--0.3 м и наброской (диам. ок.3 м) из мелкого известняка.

Разборка перекрытия показала, что оно лежало на крупных плоских известняковых плитах, служивших, скорее всего, основанием алтаря; выкладка из плит -- 2.5x1.5 м. Сверху плиты обмазаны слоем глины, которая сильно прокалена. На прокаленном слое расчищены

обуглившиеся деревянные плахи и бревна, составлявшие конструкцию деревянного алтаря.

Удалось установить, что плиты основания алтаря были положены над овальной ямой (диам. ок. 1.5 м, глуб. 0.4 м), вырезанной в материковом суглинке. В дно ямы была вертикально вкопана плоская известняковая плита, на которую опирались плиты основания алтаря. От этой плиты в 3 направлении отходило также вырезанное в материковом суглинке канавообразное углубление, дно которого постепенно повышалось. В месте соединения ямы и канавы расчищена конусоидная ямка от опорного столба.

Материал с полов помещений и найденный в процессе исследования алтарного сооружения, датирует возведение и функционирование всей постройки посл. четв. VI в. до н.э. Прекращение деятельности этого комплекса не связано с какими-либо экстраординарными событиями. Об этом свидетельствует отсутствие разрушений, а также тщательное захоронение остатков алтаря, которые были аккуратно засыпаны землей и перекрыты каменной наброской.

Открытые строительные остатки, несмотря на отсутствие среди находок предметов, непосредственно связанных с культом, должны быть интерпретированы как сельское святилище или даже небольшой сельский храм. Постройка такого рода и столь раннего времени на территории сельской округи Ольвии, как впрочем и на хоре других греческих городов в Северном Причерноморье, открыта впервые.

Б.И.Маршак, В.И.Распопова, В.Г.Шкода (Санкт-Петербург) **РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА**

Раскопки 1994 г. как и в предыдущие годы, проводила совместная экспедиция ИИМК РАН, ИИАиЭ им. А.Дониша АН Респ. Таджикистан и ГЭ. Работы шли в шахристане Пенджикента, где исследовался храм II (объекты II и X), жилище VII-VIII вв. у В городской стены (объект XXVI-C) и участок между улицей, ведущей к Ю воротам, и Ю меридиональной улицей шахристана (объект XXV).

В храме II (В.Г.Шкода) раскопки велись во внешнем В дворе, где завершено исследование колонады вдоль его В стены дл. 56 м. К Ю от прохода в этой стене, лежащего на главной оси храмового ансамбля, расчищен подиум выс. ок. 1 м. К С от этого прохода в 1993 г. был открыт подиум выс. 0.5 м. Оба они сооружены в VI в. Вероятно, над ними были изображения богов (живописные или скульптурные?), причем то божество, которому поклонялись у Ю подиума играло более важную роль в храмовом культе. В СВ углу двора начато исследование пространства вне портиков перистиля. Там был обнаружен пень

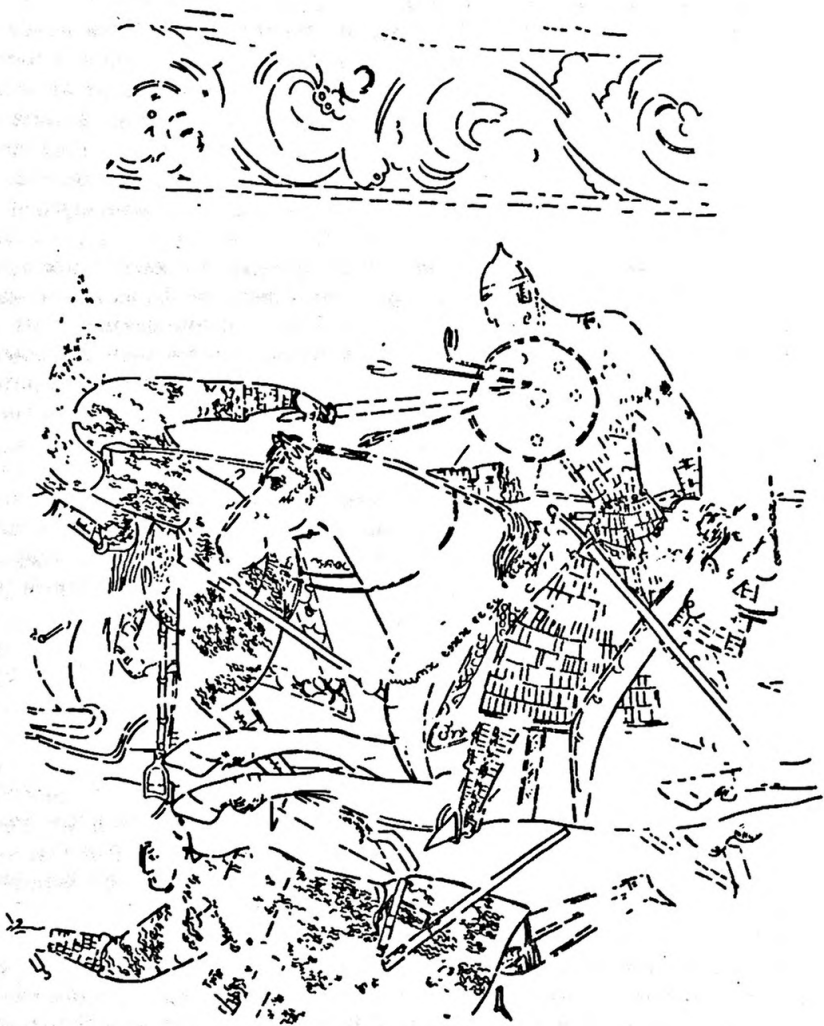

Рис.5. Пенджикент, храм II. Роспись в завале вдоль северной стены внешнего двора.

почти 200-летней арчи, росшей во дворе в VI--VIII вв. В С портике восточного двора в завале обнаружены целые пласты глиняной штукатурки с росписями VII или нач.VIII вв. Это продолжение батальной композиции, открытой в 1993 г., однако сохранность красочного слоя превосходная и на значительных участках роспись имеет первозданное состояние. Изображена битва тяжеловооруженных всадников. В щит одного из них вонзились стрелы. Он наносит таранный удар копьём скачущему от него противнику, который успевает, обернувшись, нанести мечом удар по щиту своего преследователя. Внизу лежит раненый воин, не выпустивший меча из своей руки. На другом фрагменте кони сражающихся скачут галопом над двумя поверженными, которые обращены лицом друг к другу и, даже упав на землю, продолжают свою борьбу. Открытые в 1993-94 гг. росписи поражают своим динамизмом и мастерством исполнения. Это -- шедевр согдийского искусства.

Воинские сюжеты с всадниками в полном вооружении у стен крепости хорошо известны в искусстве Средней и Центральной Азии, хотя, конечно, в реальной жизни осаду осуществляла пехота. В Пенджикенте на объектах VI и XXII такого рода сцены были открыты ранее в парадных залах домов кон.VII--I-й пол.VIII вв. Однако там это были иллюстрации к сказаниям о подвигах эпических героев, а вновь открытые росписи показывают сражение множества воинов, среди которых пока не удастся найти героя-предводителя.

В росписях дворца нач.VIII в. на цитадели Пенджикента, скорее всего, изображено историческое событие недавнего прошлого -- осада Самарканда арабами. Там есть изображения манджаник -- осадных метательных орудий, осадных щитов и лестниц. В христианском искусстве Семиречья VIII--X вв. (серебряные блюда со сценой осады) также были изображения местных зданий, доспехов и оружия, хотя в композиции заметно и влияние иллюстраций к библейской книге Иисуса Навина. Местные реалии (архитектура и вооружение) в буддийском искусстве Восточного Туркестана в сценах "осады" Кушинагары тоже решительно введены в культовую композицию чужеземного, в данном случае, буддийского, происхождения. Росписи Пенджикента подсказывают, что художники, работавшие для христианских и буддийских заказчиков, опирались на традицию местного батального жанра.

На объекте XXVI-C (И.К.Малкиель, Н.Е.Сазонова) раскопан зал 40 м² с П-образной суфой и 2-мя хозяйственными ямами. В зале не было росписей, хотя на втором этаже того же дома в 1993 г. были обнаружены остатки живописи. Зал, судя по монетам, функционировал в 740--50-е гг., хотя его стены были возведены ранее и только отремонтированы ок.740 г. К С от зала раскапывались два помещения. В одном из них пол был на уровне пола зала. Там на нижнем полу найдена

керамика кон.VII--нач.VIII вв. В другом, пол, очевидно после разрушений 720-х гг., был устроен поперек завала на высоте ок.2 м над полами соседних помещений. Здесь в 740--60-х гг. был навес на столбах, со стенами только на В и Ю. Под навесом был очаг. Над полом быстро нарастали слои мусора. В пом.5 (навес с очагом) найден клад из 7 драхм бухар-худдатского типа без арабских надписей, но типологически близких к выпускам с такими надписями. В том же слое обнаружены и фельсы с датой 770 г., хотя драхмы, очевидно, старше 760 г.

На объекте XXV (Д.Абдуллоев) обнаружено русло разрушительного селевого потока, который прошел, вероятно, во время частичного запустения города в VII в. В кон.VII в. русло было засыпано свалочными слоями с керамикой VII в. при устройстве платформы, на которой возведены постройки рубежа VII--VIII вв.

Эксперименты по консервации глиняных штукатурок *in situ* спиртовым раствором *sillond 40* (этилсиликат) проводила группа итальянских ученых (профессора А.Санторо и Дж.Кьяри, архитектор Э.Гальдери). Эта работа выполнена совместно с Пенджикентским музеем-заповедником АН Респ. Таджикистан (директор И.Рахматуллоев).

К.Карпелан, О.В.Овсянников (Хельсинки, Санкт-Петербург) О ПАМЯТНИКАХ СААМСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ

В 1994 г. ИИМК РАН и Департамент археологии Университета Хельсинки продолжили работы по реализации совместного проекта "Средневековая и пост-средневековая культура саамов". Экспедиционные исследования (осмотр известных памятников, ознакомление с материалами) состояли из двух частей -- русской и финляндской.

В июне 1994 г. док. К.Карпелан в г.Архангельске ознакомился с коллекциями из раскопок саамского поселения 1-й четв.XVIII в. в бухте Дворовая (Мурманский берег Кольского п-ова). Здесь в 1990--91 гг. исследованы прямоугольные наземные жилища с каменными очагами в центре (Овсянников). Находки отражают две культурные традиции - саамскую, связанную с культурой и бытом местного населения, и русскую, которая представлена продукцией северных городских ремесленников и европейским экспортом, поступавшим в Архангельский порт (например, фаянсовые курительные трубки).

Финляндская часть экспедиции реализована в сентябре 1994 г., когда группа в составе К.Карпелана (руководитель), П.Койвенена, Я.Окконена и О.Овсянникова осмотрела различные археологические памятники в Северной Финляндии. Прежде всего, был детально осмотрен археологический контекст в пределах Саамской музейной зоны

в Инари, где раскопки начаты в 1909 г., а особо интенсивно проводились с 1984 г. и охватили время от мезолита до средневековья. Наибольший интерес для нас представляли памятники средневековья и пост-средневековья, которые могут быть в той или иной степени сравнимы с памятниками Кольского п-ова.

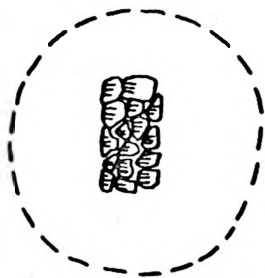
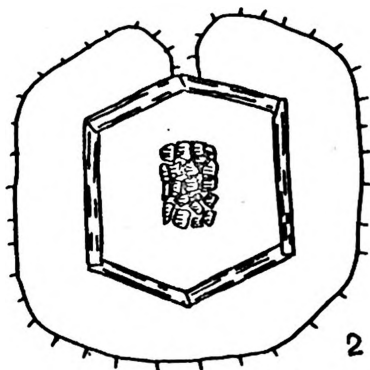
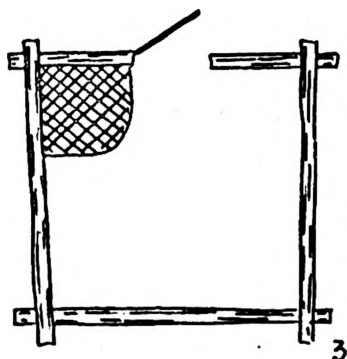

Рис.6. Типы саамских жилищ:

1 -- 1000--1600 гг.,

2 -- 1600--1800 гг.,

3 -- 1800--1900 гг.

В Инари были осмотрены стоянки типа Неллинг: Паксумаа, Киеллаеки, Сиуттавара. Подобные памятники имеются также в Северной Швеции и на З берегу р.Патсвей (Карпелан), пограничной с Россией, но пока неизвестны на Кольском п-ове. Они характеризуются четырехугольными каменными очагами для легких передвижных чумов и не отражают следов длительного пребывания -- это зимние места обитания при полукочевом образе жизни. Данный тип памятников датируется 1000--1600 гг

Стоянки типа Нуккумаеки (осмотрены в Нуккумаеки в Инвари и в Сухпеварри и Аймаеки в Утсеки) представляют следующий этап развития зимних стоянок. Для них характерны постоянные жилища из дерева и торфа. Пол в жилищах -- шести-семиугольный; очаги в центре -- четырехугольные. Поселения интенсивно использовали длительное время, о чем свидетельствует довольно мощный культурный слой. Такой тип памятников пока также не зафиксирован на Кольском п-ове.

Самый поздний тип зимнего жилища -- небольшой рубленый дом с печкой и дымоходом в углу. Саамы строили такие рубленые дома приблизительно с 1800 г., и остатки их видны в Нуккумаеки и Пиелпаярви в Инари. Первая церковь в этом регионе была построена в Пиелпаярви уже в 1640-е годы, но саамы осели в зимней деревне здесь позднее. Зимние места стоянок находились обычно в большом лесу, у ручьев или маленьких озер. Летние места стоянок древних саамов находились на берегах больших озер, где хорошо ловилась рыба. Остатки таких летних стоянок, датированных XVIII--XIX вв., были осмотрены в Сяйтсярви в С части Инари. На Кольском п-ове, как в самой Дворовой бухте, так и в соседней с ней бухте Круглая, отмечены следы нескольких жилищ со стенами из торфа (Овсянников). Такие же жилища зафиксированы норвежским исследователем К. Оунером (Осло) на берегу Варангер-фьюорда.

Сяйтсярви является наиболее известным местом, где находится сейд, или священный камень, которому поклонялись саамы, прося удачного рыбного лова. В Утсеки также были осмотрены камни, которые, соответственно местной традиции, рассматриваются как священные места. Сейды саамов -- большие валуны, лежащие непосредственно на земле. Сейды, стоящие на небольших камнях ("лежащие курицы"), отмечены в бухте Дворовая и относятся, по-нашему мнению, к бронзовому веку. "Лежащие курицы" найдены и в Инари.

Охотничьи ямы для ловли диких оленей широко представлены в средневековой и современной саамской культуре. Они встречаются довольно часто как большая система, состоящая из 10 и более (до 100 !) ловчих ям. Копка ям и поддержание их в "рабочем" состоянии было делом всего общества. В Каитомо-ярви в Инари была обследована сис-

тема, состоявшая из 52 больших и малых, хорошо сохранившихся ям, расположенных поперек песчаного холма. Использование огнестрельного оружия изменило тактику охоты и большие системы ловчих ям были созданы в XVII в. В конце XIX в., когда дикий олень начал исчезать, индивидуальные охотники имели 1-2 ловчие ямы.

Проведенная работа показала перспективность попытки сравнительного исследования этапов развития археологических памятников культуры саамов средних веков и пост-средневекового времени на двух соседних территориях, которое необходимо дополнить совместными археологическими раскопками.

С.В.Белецкий, А.А.Купранис (Санкт-Петербург)
ПЕЧАТЬ X в. ИЗ НОВГОРОДА
(предварительное сообщение)

Летом 1994 г. стало известно, что в одну из частных коллекций г.Новгорода поступила вислая свинцовая печать с изображениями тамгообразных знаков на обеих сторонах. В начале февраля 1995 г. буллу удалось осмотреть (рис.7).

Аверс: трезубец прямоугольных очертаний, центральный зубец короче боковых, в верхней части утончен (?). Справа от треугольной ножки трезубца помещен маленький равносторонний крестик с расширенными концами. Ободок линейный. *Реверс:* трезубец прямоугольных очертаний, зубцы равновелики, центральный зубец завершен кружком, на вертикальную ножку "наложено" кольцо, превышающее по диаметру кружок, завершающий вершину зубца. Ободок линейный. *Диаметр:* 26-30 мм. *Вес:* 18.99 г. *Происхождение:* антикварный рынок Новгорода. *Место находки:* по сведениям владельца коллекции, печать найдена в Новгороде, топографически в черте города не приурочена. *Сохранность:* прошла первичную коллекционную реставрацию, патина частично утрачена. Через аверс проходит трещина по каналу, частично уничтожившая центральный зубец трезубца; на реверсе вдоль центрального зубца царапина. *Соотношение осей:* $\uparrow\downarrow$.

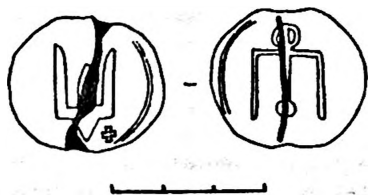

Рис.7. Печать X в. из Новгорода.

Подлинность печати сомнений не вызывает. Ближайшей аналогией стилистическим особенностям тамги на аверсе является изображение двузубца на печати Святослава Игоревича (Янин 1970, т.1: №1). Трезубец на аверсе публикуемой печати известен по изображениям на монетах и может быть соотносен с Владимиром Святославичем (Святым), что позволяет датировать буллу ранее 1015 г. Тамга на реверсе публикуемой печати не находит себе прямых аналогий в известном геральдическом материале древнерусского происхождения. Некоторое сходство с ней имеет трезубец, традиционно атрибутируемый Ярославу Владимировичу (Мудрому): на реверсе публикуемой печати центральный зубец трезубца также увенчан кружком. Оформление ножки трезубца Ярослава, сходное с оформлением ножки трезубца Владимира, не имеет ничего общего с оформлением ножки трезубца на реверсе публикуемой печати. Различия, впрочем, можно было бы отнести за счет схематизации тамги на печати по сравнению с тамгой на монетах Ярослава.

Принцип оформления вислой свинцовой печати, когда на обе стороны буллы помещены тамгообразные знаки, для древнейшего периода истории российской государственности не характерен (печать Святослава Игоревича, можно не учитывать -- на обеих ее сторонах помещен один и тот же знак в окружении одной и той же легенды, см.: Молчанов 1988:50--52). Зато этот принцип оформления буллы хорошо известен по пломбам XII--XIII вв. Применительно к пломбам, помещение на обеих сторонах буллы тамгообразных знаков объяснялось как символ принадлежности сфрагистической регалии чиновникам, исполнявших при князьях-дуумвирах функции канцлера (печатника): полномочия держателя сфрагистической регалии, были предоставлены ему двумя лицами -- владельцами разных тамгообразных знаков (Белецкий 1992: 7). Время сложения данного типа сфрагистической регалии не установлено, во к XII в. этот тип буллы уже существовал.

В этой связи вспомним о трапецевидных подвесках XI в., исполнявших, по мнению А.А.Молчанова (1976:69--91), функции верительных знаков. На подвесках также фиксируется сочетание знаков, принадлежавших разным представителям Рюрикова дома, а в некоторых случаях (Молчанов 1976:табл.II) соотносимых с Рюриковичами лишь с большой натяжкой. Стадиально-типологическая преемственность древнейших русских печатей от подвесок-jahrtęgnir (Молчанов 1986) возможна, что дает основание предполагать сложение сфрагистического типа, оформленного двусторонними изображениями тамги, уже в начале формирования государственного аппарата Древней Руси.

Возвращаясь к публикуемой печати отметим, что в случае атрибуции знака на ее реверсе Ярославу Владимировичу, датировкой буллы следует признать время между 980 г. (когда Ярослав получил свой

первый стол и стал юридическим лицом) и 1015 г. (когда скончался его отец, Владимир Святой). Печать в таком случае принадлежала канцлеру-печатнику при Ярославе.

Допустимо, впрочем, другое объяснение. Нехарактерность тамги на реверсе публикуемой печати для князей-Рюриковичей делает более вероятной принадлежность тамги лицу, не являвшемуся представителем этого рода, но связанному в своей политической деятельности с Владимиром Святославичем. Таким лицом можно было бы считать дядю Владимира, Добрыню, который с конца 960-х гг. держал вместе с племянником Новгородскую землю. В этом случае тамга на реверсе может быть атрибуирована Добрыне, а сама булла оказывается сфрагистической регалией печатника при Добрыне и Владимире в годы правления князей в Новгороде (969/70--980 гг.).

О.И. Богуславский, А.Н.Кирпичников (Санкт-Петербург) РАБОТЫ СТАРОЛАДОЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Летом 1994 г. Староладожская экспедиция ИИМК РАН продолжала исследования на Земляном городище Старой Ладogi и в ее округе. В работах принимали участие студенты истфака СПбГУ, школьники из Смоленска, гимназисты и учителя коммуны Мельхус (Норвегия). Работы 1994 г. финансировались Мэрией СПб, Дирекцией объединения музеев Ленинградской обл. и музеем-заповедником Кижи.

В СЗ части Земляного городища были продолжены работы на раскопе №2, начатые в 1991 г. На участке 8x12 м было полностью завершено исследования вала, возведенного в 1584--86 гг. Максимальная мощность этого сооружения -- 3.5 м. Он содержал в себе многочисленные остатки предметов материальной культуры, попавших в него во время возведения оборонительных сооружений Земляного городища, но происходящих из более ранних слоев поселения IX--XIV вв. В материалах раскопок 1994 г. имеются многочисленные обломки глиняной посуды и ок.250 индивидуальных находок: стеклянные, янтарные и сердоликовые бусы, бронзовые застежки, тигли, части костяных гребней, бытовые изделия из железа и камня, шиферные пряслица, серебряная монета XI в. Необычная находка -- глиняный светильник.

Вал насыпан на испотроженный культурный слой примерно X в., разборку которого предполагается начать в 1995 г. На поверхности этого слоя зачищены лежащие в беспорядке бревна дл. до 2.2 м. Они являлись, по-видимому, остатками частоколов, ограждавших усадьбы, или иных сооружений, не связанных с оборонительным валом XVI в. Своеобразие исследуемому участку придает его расположение в непосредственной близости от древнего берега р. Ладожка. Как вал, так и

подстилающий его культурный слой расположены не горизонтально, а заметно наклонены к С — в направлении к руслу реки.

Кроме того, в 1994 г. Приладожский отряд Староладожской экспедиции проводил раскопки погребальной насыпи в могильника Ялгино Тихвинского р-на Ленинградской обл. Работами отряда исследован курган №1, до раскопок представлявший собой полусферическую насыпь диам. 17 м и выс. до 1.2 м. Она содержала в себе остатки 2-х разновременных женских труположений и более раннего наземного дерево-земляного погребального сооружения — т.н. "домика мертвых".

Это круглое в плане сооружение имело столбовую конструкцию и изучено по сохранившимся остаткам деревянных стен, решетчатой конструкции крыши, упавшей на площадку, и столбовым ямам, относящимся к несущим конструкциям крыши. Первоначальная постройка была возведена на материковом останце, окруженном ровиком глуб. до 1 м. В слое ее разрушения обнаружено несколько фрагментов грубой лепной керамики и кальцинированные кости. Центральная часть площадки "домика мертвых" разрушена могильной ямой более позднего курганного труположения. Время сооружения кургана и разрушения "домика мертвых" разделены значительным временем, о чем свидетельствуют слой погребенной почвы, образовавшийся выше остатков упавшей крыши и создание нового кольцевого ровика, относящегося к кургану, и впускного в заплывший ровик более раннего сооружения.

Первоначальное женское погребение кургана совершено в могильной яме 1.8x1x0.7 м, ориентированной длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Покойная ориентирована головой на СЗ, в ЮВ части могильной ямы обнаружены непотревоженные тазовые кости, а также кости ног, ЮЗ которых располагался кружальный сосуд. Останки были помещены на подстилку из луба. Верхняя часть туловища погребенной разрушена грабительской ямой. В ее заполнении найдены кости скелета, шумящие бронзовые подвески, бусы, фрагменты керамики, железные предметы. Определить их принадлежность к описанному погребению не представляется возможным, поскольку в заполнении могильной ямы оказались перемешаны материалы центрального погребения кургана и относительно более позднего впускного женского погребения.

Остатки впускного погребения обнаружены к З от центра насыпи. Грабителями не потревожены только верхняя часть туловища и правая рука. Судя по их расположению, погребение было ориентировано головой на С. На остатках костяка обнаружены височные кольца, монеты-подвески, бронзовая фибула, бусы. С совершением впускного погребения связано поновление кольцевого ровика. Оба погребения можно отнести к кон. XI--нач. XII вв.

С.В.Белецкий, Н.И.Милотенко (Санкт-Петербург)
ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ
ИВАНА ИВАНОВИЧА ИЗ РАСКОПОК В ЛАДОГЕ

В 1994 г. при проведении небольших раскопок у ц.Св.Георгия в Старой Ладоге в перемешанном слое была найдена вислая свинцовая печать XIV в., любезно предоставленная для изучения Н.К.Стеценко.

Рис.8. Печать великого московского князя Ивана Красного из раскопок в Ладогe в 1994 г.

Аверс: изображение святого воина в рост с копьем в правой руке и щитом в левой. *Реверс:* надпись в пять строк "Печать великого князя Ивана". *Диаметр:* 25--26 мм. *Вес:* 9.31 г. Хранится в фондах старолadoжского музея.

Печать оттиснута матрицами №415 (Корпус актовых печатей древней Руси: Янин 1970, т.2:№415). По мнению В.Л.Янина, эти печати принадлежали великокняжеским чиновникам, исполнявшим в Новгороде функции наместника, а печати от матриц №415 связаны с наместниками великого московского князя Ивана Ивановича (Красного).

Анализ топографии печатей, сходных с публикуемой буллой, в черте Новгорода и за его пределами дает основание отказаться от существующей оценки этих печатей в качестве наместничьих. Печати данного разряда, по нашему мнению (Белецкий, Петренко 1995), употребляли в делопроизводстве великокняжеской московской канцелярии и скрепляли документы, требовавшие личного участия великого князя в совершавшемся юридическом действии. Публикуемая булла, в частности, может быть атрибуирована непосредственно великому московскому князю Ивану Красному.

В.А.Лапшин (Санкт-Петербург)
РАСКОПКИ В ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ

Кремлевская экспедиция Тверского государственного объединенного музея и ИИМК РАН продолжила в 1994 г. начатые годом раньше

раскопки в центральной части Тверского Кремля на месте строительства нового здания ТГОМ. Работы проведены на двух участках (570 м²), отстоящих на 40 м. Был исследован сохранившийся средневековый слой ниже уровня полов подвалов XIX в. Своеобразие раскопа в том, что на В участке сохранился "влажный" культурный слой, содержащий органические остатки (щепу, навоз), изделия из дерева и кожи, деревянные конструкции. На З участке отложился "сухой" слой без органики. Т.е. раскоп дает редкую возможность проследить особенности сложения культурного слоя двух типов и синхронизировать их. Вскрыт культурный слой XIII-XIV вв.

Находки демонстрируют расцвет городской культуры Твери периода независимого Тверского княжества (1247-1485 гг.), парадоксально совпадающего с периодом подчинения Золотой Орде. Среди импортов этого времени -- фрагменты дорогой столовой поливной посуды из Сирии, Ирана, Малой Азии, а также золотоордынская керамика с рельефным орнаментом. Коллекция стекла включает обломки сиро-египетской посуды с росписью цветными эмалями и золотом; в их числе -- фрагмент с изображением летящей птицы, выполненным голубой эмалью по прозрачному стеклу. Другой фрагмент сохранил читающуюся арабскую надпись "маджахед", включаемую в титулатуру правителей. На В участке зафиксированы основания мощных столбов -- остатки конюшенного двора XVIII в. и свайная конструкция, видимо, основание каменной ограды архиерейского двора XVII в. Эти конструкции пререзают слои XIII-XV вв., в которых прослежены остатки срубов и частоколов на границах усадеб, свидетельствующих как минимум об одной кардинальной перепланировке со сменой ориентации застройки. На З участке, в 85 м к В от апсид Спасо-Преображенского собора, расчищена впущенная в раннесредневековый слой вымостка (4x4 м) из крупных камней, уложенных на лаги из бревен. Возможно, это основание колокольни Афанасьевского монастыря, находившегося "за апсидами" Спаса. Судя по трассам частоколов, в раскопанные участки попали внутренние части усадеб, а основные жилые постройки находились южнее, вдоль улицы шедшей от Владимирских ворот Кремля на З. Архитектурные шурфы, заложенные у З крыла Путевого дворца XVIII в., выявили основание кирпичной ограды архиерейского двора 3-й четв. XVII в. и фрагменты неизвестных белокаменных строений, видимо, относящихся к предшествующему времени. Зафиксирован СЗ угол ограды архиерейского двора; свайная конструкция, выявленная в раскопе, предположительно является остатками В прясла той же ограды. Расстояние между двумя ее исследованными участками -- 215 м. Таким образом, в ходе работ 1994 г. выявлены некоторые важные элементы средневековой планировки Тверского Кремля.

А.В.Курбатов (Санкт-Петербург)
КАМЕНЬ С ПЕТРОГЛИФАМИ В ТВЕРИ.

На территории современной Твери, между домами 26/1 и 28/1 по ул.Фадеева местным жителям известен валун с несколькими выбитыми знаками, лежащий возле проезжей части. Это эрратический валун гранито-гнейсовых пород, серого цвета, подпрямоугольный со скелотым красом (1.3x1.08 м, выс.0.35--0.43 м над уровнем почвы, заглубление основания 0.1--0.15 м). Прорезка почвы у камня показала, что он перемещен недавно. Верхняя площадка валуна ровная с небольшим уклоном, поверхность шероховатая. На ней точечной выбивкой нанесены различные изображения и знаки, пространственно соотносящиеся с длинной осью камня. Ширина линий видимых знаков 1--1.2 см при заглублении 0.2--0.4 см. Отчетливо виден контурный "след" стопы человека (28x7--10 см) с поперечной чертой в области пальцев. С двух сторон от оси "следа", ниже "пятки", выбито по три параллельных линии с едва различимыми перекладинами. Между ними, также по оси "следа", друг над другом, выбиты "овал" (9x8 см) и "крест" (14x12 см). Другие изображения видны плохо и частично уничтожены современными сколами. Поверхность валуна и самих знаков патинирована и визуально отличается от повреждений позднейшего времени.

Район ул.Фадеева начал застраиваться в 60-е гг. XX в. По словам старожилов, камень лежал здесь всегда. Это возможно, с учетом его несомненного передвижения при планировке улицы (свежие сколы и царапины на верхней и боковых частях). Местоположение валуна (ок. 2.7 км к Ю от берега р.Волги, 0.5 км к З от истока небольшого ручья) до застройки представляло часть заболоченного лесного массива.

Наиболее близкой и, видимо, единственной в настоящее время в лесной полосе Европейской части России, аналогией описанной находке является камень "Щеглец" на р.Вишере в Мстинском р-не Новгородской обл. Сопоставимы размеры "следов" стоп человека, наличие "овалов" и "крестов", размеры контурных линий. Тверская находка позволяет предполагать перспективность дальнейшего поиска петроглифов в верхнем Поволжье и на Северо-Западе России.

А.В.Курбатов (Санкт-Петербург)
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ЗАСТРОЙКИ ИВАНГОРОДСКОЙ КРЕПОСТИ

С 1980 г. Ивангородская экспедиция ИИМК РАН под руководством В.П.Петренко (до 1991 г.) ведет исследования крепости Ивангород (Ленинградская обл.). Объектами планомерного изучения были

крепость и посад (пойма и склоны коренного берега Наровы) вокруг крепости. В крепости было вскрыто 2300 м². Самый большой раскоп №1 (1065м²; 1980-86 и 1989 гг.) -- в СЗ части Большого Бояршего города у Никольской церкви. В реконструируемой застройке выделено 5 строительных горизонтов (29 комплексов многоярусных связей), охватывающих полтора--два столетия (кон.XV--сер.--2-я пол.XVII в.).

Ранний I-й горизонт застройки лежал непосредственно на материковой скале или на культурном слое мощи 0.5--0.25 м, что обусловлено наличием в центре участка неглубокой обширной западины. Формирование застройки сопровождалось выравниванием поверхности за счет подсыпки песка, строительного мусора, древесных отходов и навоза. Под постройками отмечены гидроизоляционные подсыпки стерильного песка и глины и прокладки бересты. Сохранилось 12 деревянных построек и 2 каменных сооружения. В Ю части раскопа открыто основание каменной стенки (50 м), поставленной на скалу или тонкую прослойку гумуса. Стенка (шир.0.8--1 м, сохранилась на выс. до 0.6--0.7 м) сложена из узких постелистых плит известняка на растворе в технике "корзинка"; ориентирована почти вдоль оси большого объема крепости от "Ширмы" в сторону восьмиугольной Старой Воротной башни, не совпадая на 6--8° с осью Никольской церкви. Основание церкви перекрывает стенку после ее разборки. В С половине раскопа открыто более 19 м каменной мостовой из неправильной формы плит со следами скрепляющего раствора. Часть деревянных построек разобрана в древности. Границы дворовых комплексов прослеживаются по некоторым деталям и остаткам частоколов. Можно говорить об изначально регулярной застройке участка (устойчивое сохранение дворовых комплексов, наличие стабильно стоявших оград, проездов и улиц).

В горизонте II сохранились дворовые комплексы из двух- и трехчленной однорядной связи: жилая изба, клеть (сенник) и, расположенный между ними, хлев. По конструкции, уже на раннем этапе, выделяются срубные постройки (сохр. на 1--2 венца) и каркасные строения, отмеченные настилами пола из жердей, деталями рам каркаса и вертикальными столбами. Жилые строения -- всегда срубные, большие (дл. стен 4.5--5.2 м), с печью в дальнем от входа углу. Сохранились дверные проемы и пологи шир.0.8--0.9 м и выс. более 1 м. Клетки имели срубную основу со сторонами 3.3--3.6 до 4 м и без отопительных устройств. Хлев имел каркасную основу разных размеров и также, без печи. Исключения: хлев с очагом, где найдены сани и набор конской упряжи и срубная постройка, связанная с "горячим" -- бронзолитейным -- производством (половину помещения занимала каменная печь).

Горизонт III отличается массовым обновлением деревянных построек, что не связано с перепланировкой в рамках крепостного объема.

Характер трехчленных связей комплексов не меняется. Каменная мостовая заменяется деревянной (плохо сохранившейся). Каменная стенка разбирается и закрывается настилом новой мостовой, проходившей от проезда в "Ширме" к Старой Воротной башне, с вероятным ответвлением к Набатной и Широкой башням, что показано на одном из шведских планов кон. XVI--нач. XVII вв. Вероятно в это время была построена Никольская церковь.

В горизонте IV появляется группа из 5 каменных построек, вписывающихся в систему ранней застройки. Каменные здания небольшие, сопоставимые с деревянными постройками, и имеют толстые (0.6-0.8 м) стены, сохр. на выс. до 0.6 м, сложенные из узких плит известняка на растворе. В дальнем от входа углу небольшого (5-8 м²) помещения стояла печь. Постройки образуют 2 ряда со входами с противоположных сторон. Их назначение, видимо, производственное. Деревянные строения сохраняют общую структуру ранних комплексов.

К горизонту V относятся 8 каменных построек, включая новое сооружение у руннированного прясла, и предполагаемые деревянные строения, фиксируемые по остаткам тлена и каменным подкладкам под стены, а также серии столбов неопределенных сооружений.

До получения дендродат абсолютная датировка горизонтов может строиться на отдельных хронологических ориентирах. По-видимому, с кон. I-го--нач. II-го горизонтов надо связывать клад русских серебряных монет, сокрытых в 1520--25 гг., что определяет период функционирования горизонта I -- кон. XV--1-я четв. XVI в. Время "жизни" горизонтов II и III можно соотносить с вероятной датой постройки каменной Никольской церкви, фундаментный ров которой был впущен с уровня песчано-гравийной засыпки, перекрывавшей разобранный каменный стенку. Дата строительства церкви, предложенная В.В. Косточкиным (1496--98 гг.), может быть пересмотрена, поскольку единственный источник (новгородская писцовая книга) не упоминает каменную церковь: "внутри города церковь Никола Святый ...". Это могла быть и деревянная постройка, стоявшая в ранней четырехугольной крепости. С другой стороны мы знаем, что по случаю взятия Нарвы русскими войсками царь Иван IV повелел, чтобы "около градов Иванягорода и Ругодива со кресты ходили, и молебна пели, и церкви свящали". Этот наказ связан с чудесным сохранением в пламени нарвского пожара икон Николы и Богородицы Одигитрии. Поставить же церковь каменную взамен деревянной могли очень быстро, даже "ободиевно", согласно имевшимся преданиям. К тому же, освящать могли само место закладки новой церкви до ее строительства, что являлось обычной практикой. А подходящий для этого повод, как видим, был. Археологически предположение подтверждается стратиграфией, а также нали-

чем в постройках горизонта III многочисленных каменных подкладок под стены деревянных построек и вымосток перед ними, что не практиковалось в нижних горизонтах. Тогда горизонт II может быть отнесен ко 2-й четв. XVI в., а III-й функционировал, видимо, с 50-х гг. XVI в. Верхний рубеж горизонта III можно связывать с резким появлением каменных построек и комплекса находок (курительные трубки, обувные подковы), что произошло, скорее всего, не ранее 1581 г. -- в начале шведского присутствия в крепости. Поэтому горизонт IV можно датировать 80-ми гг. XVI в.--нач. XVII в., а верхний горизонт V относить к 1-й пол. XVII в. С верхними горизонтами соотносятся деревянные уличные настилы, открытые у Набатной башни и в центре Большого Боярского города, датируемые серией монет шведских королей Густава II Адольфа и Кристины -- 30--60-ми гг. XVII в.

А.С.Голенцов (Санкт-Петербург)

**ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКО-ШВЕДСКОЙ МОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ "АВРОРА"**

В 1994 г. сотрудники ИИМК РАН приняли участие в работе археологической экспедиции в Выборгском заливе Восточной Балтики, в рамках шведско-русского проекта "Аврора", основная задача которого -- изучение последствий Выборгского морского сражения 1790 г. - крупнейшего боевого эпизода русско-шведской войны 1788-90 гг. В этой морской битве на сравнительно небольшой акватории участвовали ок.211 кораблей всех классов шведского флота и ок.200 русских кораблей. В сражении шведы потеряли 64 судна, из которых затонуло 15, в том числе штабная яхта "Аврора".

В составлении проекта принимала активное участие инициативная группа Российского государственного архива ВМФ под руководством С.Е.Еременко. На основании ее выводов был определен район поиска. Экспедиция состояла из 25 человек, из них 14 -- из Швеции. Подводные работы проводили профессиональные водолазы.

В распоряжении экспедиции, которая базировалась на шведском поисковом судне "Хантер" под началом командора Т.Эрриксона, помимо моторной лодки и штатного навигационного оборудования находились также буксируемый гидролокатор бокового обзора, дистанционно управляемый подводный аппарат "Sea Owl" с телекамерой и боковым сонаром, средства компьютерного обеспечения исследований, подводная фототехника, подводные светильники большой мощности, транспортная барокамера.

В результате использования всех имеющихся средств и применения разных поисковых методик удалось обнаружить остатки парусного

корабля на СВ склоне банки Репия. Корпус судна ориентирован по линии ЮВ-СЗ. Его нос залегает на глуб.15--18 м, корма -- 28--30 м. Длина компактно расположенных обломков ок.50 м, шир.17--18 м. Сохранность кормы лучше, чем носа. Так, высота от дна до верхнего горизонта объекта составляет 7 м и выше, а в носовой части -- 3--4 м.

Имеются свидетельства трех водолазов, что на расстоянии 28 м от реперного буя, установленного на носу, на глуб.25 м они наблюдали поперечный разлом в корпусе, фактически делящий корабль на две части -- кормовая часть смещена на 3 более чем на 5 м от килевой оси.

На всем отрезке носовой части корпуса на грунте на расстоянии 0.20 м друг от друга лежат шпангоуты, на которых сохранились доски обшивки. Зафиксирован обширный фрагмент палубного настила из плотно прилегающих друг к другу досок.

Рядом с кормой шведские водолазы нашли компактную группу из 5 юферсов с остатками пеньковых тросов. Аналогичный юферс обнаружен и поднят в носовой части объекта. Юферс (одна из деталей стоячего такелажа) -- выпуклая дубовая шайба диам.32.5--34 см, выс.17 см. По внешнему краю выдолблен вогнутый желоб, в центре просверлены 3 отверстия. В желобе и отверстиях сохранились обрывки пенькового троса кабельного плетения.

Водолазы обнаружили и зафиксировали становой двурогий якорь. Он найден в окружении носовых деревянных конструкций, у правого борта, на глуб.20 м. Шток стоит вертикально, один рог ушел в песчаный грунт. Длина железного веретена 4 м. К перекрытию веретено утолщается. Сечение круглое, диаметр в средней части 0.2 м. Деревянный шток дл.3.5 м имеет квадратное сечение со стороной 0.35 м. Длина дуговидного рога 1.8 м. На рог наварена треугольная лапа с основанием 0.6 м и боковой стороной 0.8 м. Обнаруженный якорь был типичным для больших кораблей XVIII в. Кроме него на борту изучаемого судна могло быть еще 5 якорей (Шмидт).

Для исторической и хронологической идентификации объекта на поверхность подняты некоторые предметы. Наибольший интерес представляет ореховое ложе мушкета 2-й пол.XVIII в. Якорь и мушкет указывают, что обломки принадлежат большому судну XVIII в.

Изучая архивные материалы, любезно предоставленные С.Е.Еременко, мы обратили особое внимание на карту адмирала Повалишина, которая была составлена сразу после Выборгского сражения во время спасательных работ. На ней отмечено, что на банке Репия, точно в той ее части, где нами найден объект, ушел на дно шведский 62-пушечный парусный линейный корабль "Хедвиг Элизабет Шарлотта".

НОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ И СТРАН СНГ

Н.К.Анисюткин, У.И.Исламов,
К.А.Крахмаль, Н.Хушваков
(Санкт-Петербург, Ташкент)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА В ДОЛИНЕ АХАНГАРАНА, УЗБЕКИСТАН

В 1994 г. возобновлены раскопки многослойной палеолитической стоянки Кульбулак, расположенной в долине р.Ахангарана у подножия Чаткальского хребта (Ташкентская обл.). Стоянку исследовал в течение 17 полевых сезонов М.Р.Касымов. Все публикации являются предварительными, а полевая документация оказалась недоступной или утраченной. Вписать новый раскоп в сетку М.Р.Касымова было затруднительно из-за почти полного отсутствия документации и плохой сохранности стенок раскопа.

Раскоп 20 м² был заложен в ЮВ углу основного раскопа I (восточного) М.Р.Касымова и доведен до глуб.1.5 м от современной дневной поверхности. Квадраты предварительно получили цифровые обозначения (1--20). Общая стратиграфия (восточная стенка раскопа):

1. Отвал прежних раскопок (5--15 см).

2. Серый суглинок с включением отдельных камней (14--32 см). Обнаружен тонкий горизонт с малочисленными находками каменных изделий -- слой 1, глуб.24--35 см от современной поверхности.

3. Желтовато-серый суглинок с зеленовато-серыми глинистыми прослойками мощн. до 40 см содержит немногочисленные каменные изделия "культурного" слоя 2 на глуб.47--76 см.

За. Прослойка зеленовато-серой глины (до 10 см).

4. Отложения селевого потока, представленные угловатыми обломками эффузивных пород (от 3--5 до 20 см в поперечнике), а также окристо-желтой супесью и мелкими ожелезненными конкрециями. Встречены крупные и окатанные камни диам. до 40 см. Здесь найдены многочисленные каменные изделия, рассеянные по всему литологическому слою. Это слой 3 мощн.60 см. Вскрыта только часть 18-ти метровой плейстоценовой толщи, в которой выделено 45 культурных горизонтов с индустриями позднего палеолита, мустье и ашеля.

В слое 1 каменные изделия представлены 6 орудиями (2 скребка, резец, проколка, выемчатое и зубчатое орудия), 4 нуклеусами, 12 пла-

стинками и их обломками, 40 отщепами и чешуйками, а также осколками. Найдено 3 обломка средневековой керамики. Наряду с окатанными изделиями абсолютно преобладают неокатанные.

В слое 2 найдено 5 орудий (2 скрепка, острие, пластина с ретушью, скребловидное орудие), 4 нуклеуса, 3 пластинки, 24 отщеп и чешуйки. Имеются отдельные слабоокатанные предметы. Можно ли говорить о культурном слое — неясно.

В культурном слое 3 находки рассеяны по всей толще. Ни кострищ, ни отдельных угольков не обнаружено. Найдено 2 мельчайших обломка костей. Коллекция слоя (10 м²), представлена 40 орудиями (острие леваллуа с ретушью, разнообразные скребла, скребки, зубчатые и выемчатые орудия), а также 20 нуклеусами, 7 пластинами, 162 отщепами, обломками и чешуйками. Изделия преимущественно окатаны, хотя и в разной мере. В отличие от вышележащих слоев, где преобладают атипичные, остаточные нуклеусы, здесь господствуют мустьероидные формы, соответствуя заготовкам и орудиям.

Датировка индустрий в самых общих чертах: верхние слои могут относиться к мезолиту или верхнему палеолиту, нижний — к верхнему палеолиту или мустье. Если принять во внимание известные в Узбекистане верхнепалеолитические индустрии, где обильны мустьерские элементы, то речь может идти о постмустьерском времени.

В ближайших окрестностях стоянки Кульбулак найдено 2 местонахождения раннего палеолита и 1 среднепалеолитическое с леваллуазским комплексом. Особый интерес представляет раннепалеолитическое местонахождение Кызылалма, где возможны раскопки.

Примерно в 1.5 км к СЗ от стоянки Кульбулак, на выс. 1200 м над уровнем моря, у подножия известняковой гряды расположено местонахождение Кызылалма 2. Здесь М.Р.Касымовым был собран подъемный материал, который он датировал эпохой мустье. При прокладке дороги бульдозером образовались траншеи, содержащие материал, лежащий в стратиграфической последовательности. В основании 2-метровой толщи лессовидных суглинков обнаружена архаичная индустрия, представленная 134 кремневыми изделиями. Выше, в средней части лесса, выявлены кремневые изделия мустьерского облика, а в верхней части — многочисленные кремневые изделия с выраженными элементами верхнего палеолита.

Находки нижнего слоя залегают в кровле (не глубже 10 см от поверхности) красноцветных отложений, датируемых геологами неогеном — ранним плейстоценом. Изделия изготовлены из кремня серого, светло-коричневого и красноватого цветов, добытого из известняков. В этом плане все комплексы являются мастерскими. Интересно наличие кремневых изделий красноватого цвета. Этот кремнь не найден в вер-

хнем и среднем слоях, но присутствует в самом нижнем горизонте стоянки Кульбулак, где из него изготовлен бифас.

В коллекции раннего комплекса 22 нуклеуса, 45 орудий, 67 отщепов и кварцевый отбойник со следами употребления. Ядрища с подготовленными площадками сдвиганы. Отсутствуют пластины. "Клектонских отщепов" более 67%. Подправленных ударных площадок (преимущественно двугранных) — 13.2%, фасетированных нет. Один относительно тонкий отщеп можно определить как леваллуазский атипичный. Господствуют массивные отщепы разных размеров, но преобладают мелкие и средние (40–60 мм) — 54%. Анализ ядрищ и отщепов дает основание говорить о клектонской технике раскалывания. Среди орудий, изготовленных на отщепах и осколках, много массивных высокой формы. Полностью преобладают скребла, включая формы с зубчатыми лезвиями и извилистыми рабочими краями. Остальные орудия представлены выемчатыми и зубчатыми, типичным тайякским острием на осколке, а также чопперами и чоппингами, унифасом, мелкими бифасами с обухами. Интересен сравнительно массивный обломок листовидного бифаса, аналогии которому известны в самых нижних (ашельских) горизонтах стоянки Кульбулак. Особое внимание привлекает крупный чоппинг с острием и двусторонней обработкой. Из обломка гальки эффузивных пород изготовлен типичный чоппер.

Предварительно, эта индустрия может быть сопоставлена (с учетом разного сырья) с коллекцией слоев 1–2 пещеры Сельунгур в Ферганской долине, представляя более развитый вариант. По технике раскалывания индустрия близка типичному клектону. Архаичность технико-типологических показателей согласуется с геологическими условиями залегания археологического материала.

Индустрии среднего и верхнего уровней резко отличаются по совокупности технико-типологических признаков, а также сохранностью поверхностей изделий. В верхнем уровне нет патины. В среднем уровне представлены одноплощадочные леваллуазские нуклеусы с подготовленными ударными площадками. В верхнем слое с обильными каменными изделиями господствуют нуклеусы с подготовленными ударными площадками, в их числе призматические, присутствуют пластины и пластинки, нет чопперов и чоппингов, массивных скребел, включая изделия с извилистыми рабочими краями. И это — при общей архаичности индустрии (в которой много осколков и массивных отщепов), обилии ядрищ и малочисленности орудий. Среди орудий много скребел, имеются выемчатые и зубчатые орудия, а также типичные скребки и орудия на пластинах. Эти признаки типичны для мастерских. По обилию орудий комплекс нижнего уровня можно рассматривать как стоянку у источника сырья.

Архаичный комплекс следует выделить в самостоятельный памятник -- "Кызылалма", в то время как верхний можно по-прежнему называть "Кызылалма 2". Поздний комплекс не может быть безоговорочно определен как "мустье". Здесь много скребков и выразительных орудий на пластинах. Аналогичная индустрия, но с более высоким процентом орудий и пластинчатых сколов, представлена в верхних уровнях стоянки Кульбулак.

Г.П.Романова, В.М.Харитонов (Москва)
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КОСТЕЙ СКЕЛЕТА ИСКОПАЕМОГО ГОМИНИДА ИЗ
МУСТЬЕРСКОГО СЛОЯ МЕЗМАЙСКОЙ ПЕЩЕРЫ
(СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

После реставрации костных остатков Мезмайского гоминида объектом антропологического анализа могут служить следующие кости скелета: череп -- фрагменты затылочной, основной, двух теменных, левой височной, лобной, обеих верхнечелюстных, нижнечелюстная кость; посткраниальный скелет -- ребра, позвонки, грудина, ключица (левая?), лопатки, подвздошная, лобковые, седалищные, плечевые, локтевые, бедренные, большеберцовые, малая берцовая (фрагмент), кости кисти и стопы, а также зубы верхнего и нижнего ряда.

Индивидуальный возраст Мезмайского гоминида оценивается по степени сформированности зубов всех одонтологических классов (\pm) от рождения до 2-х месяцев, что не противоречит состоянию костей черепа и посткраниального скелета. Проведенные измерения костей посткраниального скелета не позволяют судить определенно о видовой принадлежности Мезмайского гоминида, что говорит о морфологическом своеобразии инфантильной формы человека из мустьерского слоя Мезмайской пещеры. По абсолютным значениям длинотных размеров трубчатых костей левой и правой сторон скелета Мезмайский гоминид существенно не отличается от современных (новорожденных и 2-х месячных) детей. По пропорциям ноги Мезмайский гоминид отличен от современных детей как и кинок-кобинский неандертальский ребенок (5-7 месяцев). По пропорциям руки Мезмайский гоминид отличен от современных детей несущественно. По общим пропорциям верхних и нижних конечностей (плечевая + локтевая кости в % от бедренной + большеберцовой костей) Мезмайский гоминид незначительно отличен от 2-х месячных современных детей в сторону большей относительной длины руки, что соответствует отличию в соотношении сегментов верхней конечности.

В дальнейшем планируется исследование всех костей остеометрическим, остеоскопическим и рентгенологическим методами сравнительного анализа, что позволит получить адекватный вывод о видовой принадлежности находки.

А.В.Селезнев, А.В.Трусов (Москва)

РАСКОПКИ ЗАРАЙСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

Зарайская экспедиция ИА РАН в 1994 г. провела аварийные раскопки Зарайской верхнепалеолитической стоянки на правом берегу р. Осетр (левый приток среднего течения Оки), на приводораздельном плато, на высоте ок.40 м над уровнем реки. Памятник находится в исторической черте г.Зарайска Московской обл. (150 км к ЮВ от Москвы), частично на территории зарайского кремля XVI в.

Раскоп №3 (5x5м) был заложен в 10.5 м к С от Никольской проездной баини кремля, на естественном размываемом склоне, обнажившим культурные напластования палеолита и средневековья. Культурный слой верхнепалеолитического возраста залегает на глуб. 0.1-0.6 м от современной дневной поверхности и частично нарушен склоновыми процессами и городскими коммуникациями. Его мощность в пределах вскрытого участка от 0.1 до 1 м (в ямах).

Первые находки палеолитического возраста попадают в нижней части коричневого покровного суглинка, перекрывающего палеолитический культурный слой. Основная масса находок приурочена к гумусированному суглинку мощи.0.05-0.1 м (горизонт почвообразования) и залегающему ниже слою легкого красновато-коричневато-го суглинка. Подстилающие отложения на этом участке -- желто-зеленые флювиогляциальные пески Московского оледенения.

На раскопе вскрыто 2 крупных зольника диам.1.5-2 м с костным углем в заполнении, обожженными камнями и кремнями. Под одним из зольников с характерным поднятием в центре найдено искусственное углубление до 0.2 м с линзой плотной массы костного угля до 0.1 м в нижней части. Обнаружено также несколько крупных и средних ям, две из которых (диам.0.5 и 0.7 м) были вскрыты полностью. Они находились в нижней части современного размываемого склона и культурный слой над ними смыт практически полностью. Слоистое заполнение ям с перемежающимися со стерильными прослойками песка и линзами гумуса, содержащими находки кремней и костей, хорошо отделяется от коренных пород.

Наиболее ценные находки связаны с меньшей из ям. Глубина дошедшей до нас части ямы -- 0.5 м. Яма несколько расширяется книзу. Здесь встречены достоверные изделия, говорящие об обработке кости.

Это несколько обломков ребер со следами продольного расчленения, обломок костяной пластинки со следами скобления и залощенности, а также лоцило, изготовленное из расщепленного вдоль ребра мамонта. Самая важная находка в яме — ожерелье из 47 мелких зубов песца (резцы и коренные зубы) с прорезанными с 2 сторон отверстиями для подвешивания. Ожерелье лежало плотным скоплением 4x3x2 см на дне ямы. Выше найден клык песца с прорезанным отверстием. Здесь же, преимущественно в нижней части заполнения ямы, найдено более десятка мелких костей от лапок песца, залежавших в анатомическом порядке.

2-я яма глуб. до 0.7 м также имела слегка расширяющиеся книзу стенки. В верхней части ее заполнения зафиксирована целая лучевая кость мамонта, лежащая горизонтально. По всему заполнению ямы встречены отдельные пластины дл. до 20 см и, как и в 1-й яме, лапки песца в анатомическом порядке.

Следы одной или двух больших ям с перекрытием из крупных бивней мамонта можно наблюдать также в западине культурного слоя и торчащих из него под сильным наклоном толстых концов бивней. На участке встречено более десяти бивней, череп молодого мамонта с подрезанными бивнями, лопатка, челюсть, несколько обломков ребер и зубов мамонта. Кремневых изделий собрано ок.5 тысяч. Из них изделий со вторичной обработкой -- не менее 8%.

Участок отличается обилием и качественным составом кремневых изделий, что позволит существенно обогатить наши знания о кремневом комплексе стоянки. К известным уже ножам костенковского типа, двугранным резцам, наконечникам с боковой выемкой, позволяющим относить памятник к костенковско-авдеевской культуре, можно добавить группы острий и микроострий на пластинах с красвой и пологой ретушью, косоретушных резцов, расширить представления о категории скребков. В результате раскопок 1994 г., видимо, вскрыт участок жилой площадки стоянки с краевыми ямами и ямами-хранилищами.

А.В.Колесник, Ю.Г.Коваль (Донецк)
ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ
КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ
ВИСЛА БАЛКА В ДОНБАССЕ, УКРАИНА

Река Северский Донец в среднем течении прорезает СЗ отроги Донецкого кряжа, сложенные отложениями мелового возраста. В этой зоне спорадически встречаются кремненосные микрорайоны или отдельные месторождения кремня. Одно из таких месторождений локализуется в балке Висла в 3 км к ЮЗ от с.Сидорова (Славянский р-н До-

ненкой обл.) на правобережье Донца. Склон крутого мелового холма в месте слияния двух сухих рукавов балки усеян крупными (до 20--25 см) желваками первосортного темноокрашенного стекловидного мелового кремния. В 300 м от месторождения на мысовидной площадке с 1991 г. известна палеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская. В 1992 г. здесь проведена шурфовка, а в 1994 г.-- рскогносцировочные работы. Всего вскрыто 122 м².

Кремневые изделия залегают в основном в нижней толще современной почвы до контакта с лессом и частично в кровле последнего. Вертикальный профиль слоя с кремневыми изделиями растянут на 35--40 см, но основная массив находок концентрируется в горизонте ископаемой почвы, которую Н.П.Герасименко предварительно определяет как древнеголоценовую. Эта почва сформировалась на причерноморском лессе и маркирует верхнюю хронологическую границу археологического комплекса. Внешний вид кремневых изделий (интенсивная молочная патина, острые грани), характер их залегания ("взвесь") и распределение в почвенном субстрате свидетельствуют о незначительном, преимущественно вертикальном переотложении культурного слоя. Перемещение кремней по вертикали, в целом, характерно для памятников каменного века, залегающих в покровных отложениях, в степной зоне Донбасса и сопредельных территорий. Горизонтальное переотложение (смыв) было, как кажется, ограниченным. В пределах раскопанного участка памятника прослежено минимум два скопления продуктов расщепления кремневых желваков, имеющих явный планиграфический контекст. Проведенный ремонтаж кремней из скопления позволяет восстановить последовательность расщепления нескольких нуклеусов. Помимо кремневых артефактов при разборке слоя найдено несколько комочков темпобурой охры и фрагмент трубчатой кости животного.

Степень сохранности и технико-типологическая характеристика каменного инвентаря из различных глубин одинаковы, поэтому рассматриваем коллекцию (более 4000 кремней) как единый археологический комплекс. Абсолютно преобладают продукты первичного расщепления: разнообразные отщепы, осколки, сколы поджигления пластин, куски и желваки со следами оббивки, нуклеусы различной стадии оформления и сработанности. Нуклеусов более 100 (ок.3%); представлены все этапы морфогенеза -- от заготовок с едва оформленным корпусом и площадкой (площадками) до остаточных ядрищ.

Основное количество составляют одно- и двуполосные нуклеусы с круговой или сегментовидной (преимущественно) площадкой. Среди остаточных ядрищ преобладают двуплощадочные, поэтому одноплощадочные можно рассматривать как рабочую модификацию двуплощадочных нуклеусов, либо как этап их трансформации.

Серия клиновидных нуклеусов прослежена от массивных заготовок (торцевых и бифасиальных) до экземпляров с ясной морфологией. В скоплении №1 найден прекрасный образец нуклеуса с несколькими сколами поджигления клина.

Выразительны небольшие клиновидные нуклеусы, выполненные на массивных бугорчатых отщепах округлой формы. После формирования ретушной площадки один из смежных с площадкой краев превращался в торцевую рабочую поверхность нуклеуса, а второй, практически без подправки -- в клин.

Специфическими являются трехреберчатые нуклеусы. Они имеют поперечное сечение в виде неправильного вытянутого треугольника. Острая вершина образует ребро на фронтальной плоскости. Как видно на сработанных экземплярах, подправку рабочей поверхности (обеспечение выпуклости) осуществляли с боковых ребер.

Судя по серии разнотипных остаточных нуклеусов, на мастерской не только формировали ядрища, но и расщепляли их с целью получения пластин. Последние, в основном фрагменты, имеют относительно большой удельный вес в коллекции (ок.12%). Часть из них является конечной продукцией первичного расщепления, основная же масса, видимо, образовалась при предварительной огранке нуклеусов и должна быть включена в категорию отходов. Пока трудно сказать утилизировали ли правильные крупные и средние пластины на месте или они были предназначены для транспортировки на резидентное стойбище. Часть пластин, бесспорно, использовали на мастерской. Выделено не менее 50 пластин с мелкозубчатой ретушью утилизации. На некоторых есть мелкие и средние выемки. Выемки оформлены также на серии отщепов. Выемчатые формы орудий, как кажется, являются обязательным атрибутом памятников типа мастерских.

Орудий со вторичной обработкой около 20 (0.5%). Наиболее выразительными группами представлены скребки и резцеvidные изделия. Все скребки -- концевые. В качестве заготовок в основном использовали пластины. Есть экземпляры достаточно крупных размеров (до 9.5 см) и изделия укороченных пропорций на фрагментах пластин. Два скребка выполнены на широких пластинчатых отщепах. Один из них -- выпуклолезвийный всеровидной формы, другой -- подтраншевидный в плане со скошенным лезвием. В группе резцов преобладают изделия срединного типа. Заготовками для них часто служили реберчатые сколы. Размер некоторых достигает 13 см. Представлены 2 угловых резца, в том числе 1 -- пряморетушный на пластине.

Единичные формы -- проколка, пластины со скошенным концом, долотовидное изделие на пластине, комбинированное орудие (проколка-боковой косоретушный резец) на крупном пластинчатом отщепе,

скребловидное орудие на массивном сколе. Микролиты представлены 2-мя медиальными частями пластинок с притупленным краем.

Предварительно памятник определен как финальнопалеолитическая специализированная мастерская по изготовлению призматических нуклеусов и пластин.

Р.Безенваль, А.Р.Раззоков (Париж, Пенджикент)
ПОИСКИ ИСТОЧНИКОВ СЫРЬЯ
И ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА В БАССЕЙНЕ
ВЕРХНЕГО ЗАРАФШАНА, ТАДЖИКИСТАН

Древнеземледельческое поселение Саразм в верховьях долины Зарафшана (в 15 км к З от Пенджикента) отличается от других одновременных памятников Средней Азии большим количеством изделий из металлов и самоцветных камней.

Географическое расположение поселения на выходе из горных цепей Зарафшана и Туркестана, вдоль которых открыт доступ ко всему горному массиву, предполагает участие жителей Саразма в разработке минеральных богатств прилежащих территорий. Разработки меди, олова, свинца, золота и серебра в Средней Азии, начатые еще в энсолите, интенсивно продолжались в последующие эпохи. В предгорьях Зарафшанского и Туркестанского хр. выделяются четыре крупных центра месторождений полиметаллов, серебра и золота: Казнок-Мушистонский, Джелау-Тарор-Мосрифский, Уч-кульский и Канчоч-Искандеркульский.

Казнок-Мушистонский центр находится на С склоне Зарафшанского хр. в междуречье Арчамайдан и Негют. В пределах этого центра выявлен ряд месторождений: полиметаллов -- Хиргасанг и Газза, серебра -- Кони Нукра, мышьяка и висмута -- Чукурак, олова -- Казнок, меди -- Мушистон, свинца -- Сармад и Нагнуд. На месторождениях Кони-Нукра, Хиргасанг, Мушистон, Нагнуд (местность Чуянгарон) и Газза встречается много заброшенных древних разработок. Объем древних выработок Мушистона исчисляется десятками тысяч кубометров. Свинец и серебро добывали на рудниках в Каштут-Магианском р-не, в верховьях сая Негют (Кони Нукра). Поблизости от Нагнуд на правом берегу Арчамайдан-Дарья, в нескольких пунктах выявлены скопления шлаков древней свинцовой плавки.

Джелау-Тарор-Мосрифский центр расположен в долине р.Магиян-Дарья и ее притоков. В пределах описываемого района выявлен ряд месторождений редких и цветных металлов: Джелау, Новичомок, Касаторош, Гиждарва, Тарор и др. В них установлено наличие меди, цинка, свинца, висмута, олова, мышьяка, а также серебра и золота. В

пределах этих месторождений встречается множество точек древних разработок. Результаты сравнительного спектрального анализа медных шлаков из древних разработок и раскопок Саразма (анализ произведен в лаборатории CNRS Парижа проф. Ф.Сесброном) показали, что сырье брали из Тарорского месторождения.

Учкульский центр находится на Ю склоне водораздела Туркестанского хр. Здесь выявлены проявления золота, серебра, мышьяка, олова, свинца, цинка и т.д. На обоих берегах р.Учкул установлены протяженные зоны с золото-сульфидной минерализацией, к которым приурочены древние выработки.

В литературе имеются сведения о добыче в древности свинца на месторождениях в районе Такфон и в Новом-Симиче (Дусматов, Горшков 1991). На Канчочо-Искандеркульском центре обнаружены древние рудники Канчоча, где добывали ртуть, сурьму, серебро, золото и аурупигмент для краски. На правом берегу речки находятся крупные поселения. Встречены плавильные печи, шлаки и каменная рудотерка. По Искандер-Дарье в древности мыли золото: добывали его из кварцевых жил дроблением кварца до песка и дальнейшей его промывкой.

Не менее интересными для истории горного дела являются многочисленные находки предметов из полудрагоценных и поделочных камней. В Саразме обнаружены различные поделки из агата, лазурита, содалита, сердолика, бирюзы, аметиста, мраморного оникса, горного хрусталя, кремня, мрамора и т.д. Обилие изделий из камня на этом памятнике дает основание предполагать существование близко расположенных источников сырья (по крайней мере для некоторых горных пород и минералов группы кварца). Лазурит и бирюза, встречающиеся в большом количестве в виде сырья и готовых изделий, были привозными, вероятно, из горного Бадахшана (лазурит), Западных Кызылкумов и частично горного окружения Ферганской долины (бирюза). Месторождения бирюзы известны также в районе Ходжента.

Наиболее достоверна связь с местными источниками изделий из оливиновых габбропоритов. Это горные породы с красивым декоративным рисунком, находимые при раскопках, в основном, в виде гальки. Они происходят из горных массивов в районе Туркестанского хр., а также в горах Каратюбе на территории Узбекистана. Отдельные выходы близкого состава имеются в долине р.Шинг. Скорее всего, габбропоритовую гальку (значительно окатанную) собирали на аллювиальных отложениях речных долин. В долине р.Магиан (кишлаки Сор, Хурми, Гезаниболо) в устье руч.Обисарай у кишлака Мазори-Шариф и Сон Заврон в отложениях палеогенового возраста известны конкреции окрашенного халцедона. Халцедон могли собирать в приустьевых частях крупных притоков р.Зарафшан.

Кристаллы горного хрусталя в кварцевых полостях отмечены в верховьях р.Матга в руслах ручьев Самжон и Туро. Мраморные ониксы в карбонатных породах среднего палеозоя известны в районе Шинт и Магнан, а также у кишлака Такфон и в районе оз.Алаутдин. Проявления аметиста -- на правом борту сая Манер в приводораздельной части Зарафшанского хр.

Содалит -- щелочной силикат различных оттенков голубого цвета - внешне похож на лазурит, за который в древности его часто принимали (видимо, отсюда и пошло название Зарафшанский лазурит). Месторождение содалита находится в горном Матче, в верховьях р.Сабах -- правом притоке р.Зарафшан. У подножия скального выхода с содалитовой жилой сформирована небольшая конусовидная осыпь 150x50 м, изобилующая обломками содалита. Месторождения розового граната-альмандина расположено на Ю склоне Туркестанского хр. в долинах рр.Самжон и Туро и в бассейне р.Искандер-Дарья.

Сосуды и поделки из мрамора особенно многочисленны в Саразме. В предгорьях Зарафшанского хр. выявлен ряд крупных месторождений мрамора (Мосариф, Косатарош, Вору, Тиллягул и др.) В этих месторождениях имеются светлые, серые, реже, розовые разновидности мрамора. Для их рисунка характерны полосчатость, облачность и наличие белых прожилок.

Среди меловых отложений в предгорьях Туркестанского хр. обнаружены залежи кремневой гальки. Плотный сахаровидный гипс палеогенового возраста широко распространен вдоль всего правобережья р.Зарафшан.

Таким образом, верховья долины Зарафшана отличаются исключительным богатством и разнообразием природных ресурсов, служивших, начиная с глубокой древности (видимо, с эпохи энеолита) для изготовления орудий труда, оружия, бытовых и культовых предметов.

Н.А.Аванесова (Самарканд)

НОВОЕ О ПРОНИКНОВЕНИИ ПАСТУШЕСКИХ ПЛЕМЁН БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОАЗИСЫ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Зарафшанская долина, благодаря своему географическому положению, была важным узлом этногенетических процессов. Исследования последних десятилетий показали, что эта территория была активной культурной зоной. Выявлены новые аспекты культурно-хозяйственной деятельности раннеандроновских и древнеземледельческих племен. Отражением последней является исследованное в среднем течении Зарафшана горнометаллургическое поселение Тугайное.

Поселение обнаружено буровиками гидрогеологической режимной службы Самарканда при обследовании естественных обнажений аллювиальной террасы левого берега Зарафшана. Расположено на окраине одноименного села в 18 км к В от Самарканда. Памятник приурочен к краю участка 1-й надпойменной террасы выс. до 5 м над современным уровнем Зарафшана. Работы были начаты с зачистки обнажений на протяжении 16 м, а затем заложено 3 раскопа общей площадью 248 м². Обнаруженные объекты можно с некоторой долей условности разделить на хозяйственно-бытовые и производственные. Культурный слой залегает в толще аллювиальных отложений, перекрытых покровными песками и супесями. В обрыве, на глуб. 3.08 м, четко читается корытообразный поперечный профиль жилища. Исследован участок жилища (2x3 м), остальная часть нарушена обвалом береговой террасы. По остаткам пола и облицованных камнем стен можно считать, что это -- полуназемное жилище, ориентированное СВ-ЮЗ. На дне жилища прослежены два одинаковых открытых очага и овальная хозяйственная яма (0.6x0.4 м, глуб. 0.9 м). В заполнении -- развал сосуда, кости животных (остатки полутуши овцы и задней ноги быка), каменный шлифованный проушной топор. Особого внимания заслуживают обнаруженные в жилище куски золотоносной руды (кварцево-хлористого минерала). Химические характеристики этой руды близки рудопроявлениям Алтынказгана. В толще культурного слоя (0.4--0.7 м) найдены остатки зольника, кости животных, андроновская и древнеземледельческая керамика, каменные изделия (наконечники стрел, тесла, навершия булав, терочки, наковальни и др.), отдельные украшения из металла, поделочных и полудрагоценных камней, раковин и клыков животных. За пределами жилища находок мало. Культурный слой отражает в основном следы производственной деятельности. Распределение и частота встречаемости находок неравномерны -- значительная часть их сконцентрирована справа и слева от жилища по линии СВ--ЮЗ.

В 20 м западнее жилища, при зачистке обрыва, на глуб. 3.02 м обнаружены остатки горна (?) для плавки руды (округлая яма-колодец диам. 1.01 м, глуб. 1.06 м). Заполнение насыщено золой и древесным углем. Стенки на уровне 0.6 м прокалены на 15--18 см, ниже -- на 5--6 см. В 1.01 м от "горна" обнаружена очажная яма (неправильная округлость диам. 1.06 м). Стенки ее прокалены на 6--8 см. В заполнении -- зола, древесный уголь, прокал, фрагменты сопла с ошлакованной поверхностью и медный королек. Между "горном" и очажной ямой на одной оси проходила канавка глуб. до 0.07 м с прокаленными стенками. К канавке вплотную примыкала небольшая яма диам. 0.45 м, глуб. 0.5 м, заполненная спекшимся прокалом с золой. Здесь же встречены фрагменты тигля с ошлакованными стенками.

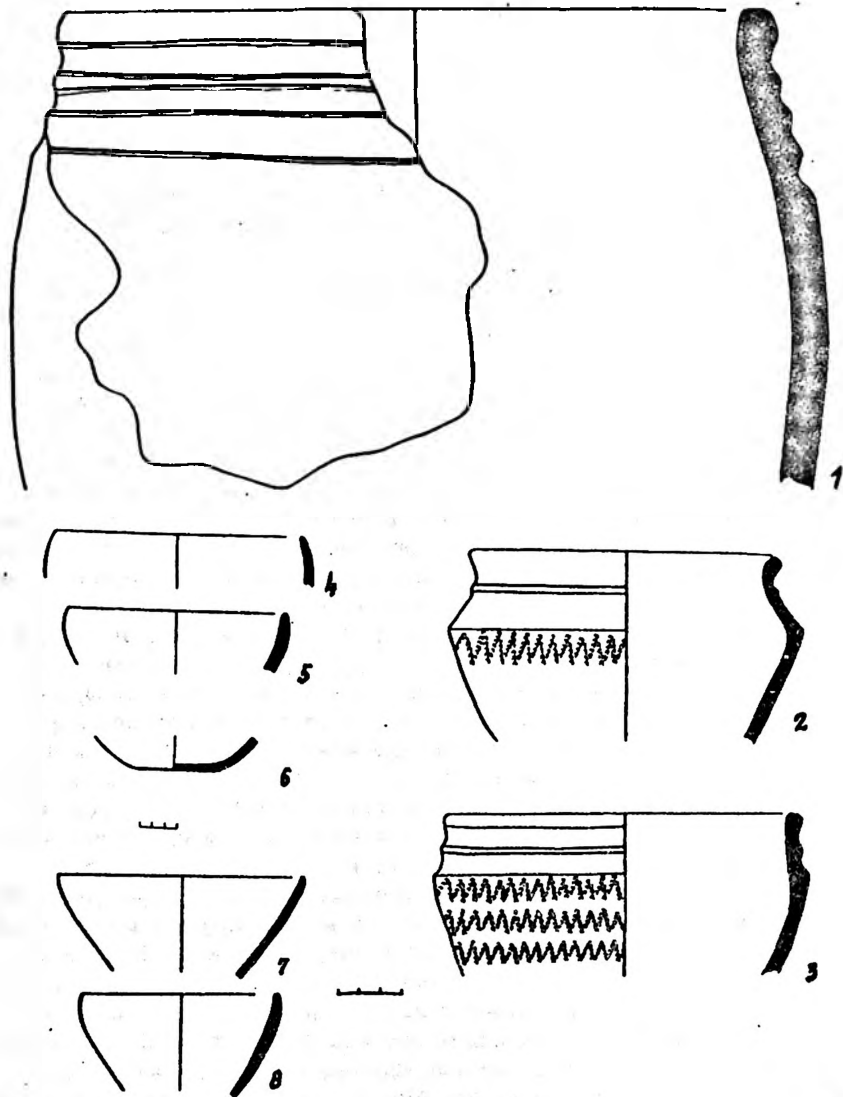

Рис.9. Поселение Тугайное, керамика из жилища: 1-3 - ранне-андроновская, 4-8 - саразмского типа.

Вокруг остатков медеплавильного комплекса на площади 64 м² расчищены отдельные скопления и рассеянные куски медных шлаков, фрагменты окисленной руды, скопления древесины и каменных орудий, связанных с дроблением и измельчением руды. Видимо, этот участок связан с рудоплавильным производством.

В коллекции поселения Тугайное -- 108 предметов: керамика -- 29, изделия из металла -- 14, камня -- 38, кости -- 6 и глины -- 4. При решении проблем культуригенеза особое место отводится керамике. Из 29 сосудов: 7 -- целых, 14 -- реконструировано почти полностью, от остальных сохранились незначительные обломки. В комплексе вместе с раннеандроновской представлено и 6 фрагментов древнеземледельческой керамики. Раннеандроновская керамика из жилища и участка, связанного с медеплавильным производством, не различается. Земледельческая керамика обнаружена только в культурном слое жилища (рис. 9). Сосуды представляют собой единый в культурном отношении комплекс, по сумме признаков совпадающий с керамикой IV этапа Саразмской культуры. Посуда саразмского типа представлена копическими и полусферическими сосудами светло-красноангобированными (один фрагмент -- черно-серый) с двусторонним лощением (чаши, миски и, возможно, кубки по терминологии А.И.Исакова). Небольшое количество таких сосудов может свидетельствовать о кратковременности пребывания населения из древнеземледельческого Саразма. Последнее расположено в долине Зарафшана в 27 км к В от Тугайного.

Андроновская керамика представлена 22 сосудами горшечно-баночного типа. По морфологическим признакам, в пределах одного типа выделяются несколько разновидностей форм. Это остроредерные и биконические горшки, 2 баночных сосуда и 1 баночно-горшечный. Сосуды, за исключением одного, орнаментированы. Орнамент состоит из ограниченного числа простых рисунков. Среди элементов доминируют заштрихованные наклонными линиями треугольники и узоры из слочных композиций. Техника нанесения -- гладкий плоский штамп, оттиски крупной гребенки и гребенчатая качалка.

Производственная керамика представлена плоскодонными тиглями в форме округлой чаши и баночки с ручкой. О назначении их как литейных сосудов свидетельствует степень ошлакованности черепка и прикипевший к дну шлак с зеленой окисью меди.

Таким образом, комплекс керамики поселения Тугайное представляет собой органическое соединение двух различных по генезису культурных элементов. Одна группа аналогична нерасписной керамике Саразма, другая -- близка (но не идентична) петровским комплексам андроновской историко-культурной общности. В керамике второй группы сочетаются почти все элементы, отмеченные Г.Б.Здановичем для сосу-

дов петровской культуры. Это свидетельствует об одновременности появления комплексов и позволяет предположить более раннее время появления андроновцев в Средней Азии. Вместе с тем, на анализируемой раннеандроновской керамике прослежены некоторые инокультурные воздействия. Анализ формовочной массы свидетельствует о сосуществовании в рамках одной группы населения неоднородных культурных традиций. Так, примесь толченых раковин в тесте керамики Тугайного является реминисценцией абашевских традиций. В коллекции есть и керамика абашевских подражаний. Однако, это не следствие прямого участия абашевцев в становлении комплекса, а отражение опосредованного влияния. Еще один инокультурный индикатор западного происхождения - некоторые элементы формы и орнаментации керамики (гребенчатая качалка, сформированные валики, тигель с ручкой) -- реминисценции полтавкинских культурных традиций (в ее приуральском и прикаспийском вариантах по Н.К.Качаловой).

Проведенные исследования подтверждают тезис о многокомпонентном характере петровской культуры. По своим декоративно-морфологическим и технологическим признакам комплекс керамики Тугайного близок однокультурным материалам Южного Урала и Казахстана. Сходство подтверждается и при сопоставлении некоторых других категорий изделий (шлифованные топоры-тесла, проушные топоры, костяные пряжки, наконечники стрел). Наибольшая близость прослежена с Приуральскими памятниками (Верхняя Алабуга, Камышное I, Степное, Кулевчи III).

Исследуемый комплекс, несмотря на отмеченное сходство, отличается от указанных памятников. Керамика двух групп объединена причастностью к комплексу керамики Саразма. В IV слое раскопа I Саразма два фрагмента венчиков орнаментированных баночных сосудов обнаружены вместе с нерасписной светлофоновой и сероглиняной посудой Саразма (Исаков 1991). Последние имели широкое распространение во времени (в пределах длительного хронологического диапазона Саразм I--IV) и, в силу этого, непригодны для культурных определений. Однако, в нашем случае, они обеспечивают возможность синхронизации Тугайного с заключительным этапом культуры Саразма и выступают как вещественное свидетельство совместного обитания. Такая постановка вопроса позволяет наметить пути и направления проникновения одной из групп раннеандроновского населения в долину Зарафшана с территории Приуралья.

РОЛЬ СТЕПНОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В СТАНОВЛЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ХВАЛЫНСКОГО ТИПА

В докладе рассматривается процесс формирования хвалынской культуры валиковой керамики Нижнего Поволжья на основе сопоставления комплексов керамики поселений (форма, орнамент, взаимовстречаемость и характер залегания основных типов) и природно-географических факторов. У большинства исследователей не вызывает сомнения местная срубная основа становления памятников культуры валиковой керамики Нижнего Поволжья (Кривцова-Гракова 1955; Черных 1983; Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова 1985; Малов 1987). Различия срубных комплексов региона позволили разделить их на лесостепной и степной варианты (Жачалова 1977; Васильев, Кузьмина, Семенова 1983; Мамонтов 1986). Однако, последний также неоднороден как по природно-географическому положению, так и по облику материальной культуры.

В степях Нижнего Поволжья выделено несколько подзон (Алексеевская, Крылова 1991), которые можно объединить в 2 основных: северная -- разнотравно-дерновинно-злаковые степи на обыкновенных и южных черноземах (Саратовское и, частично, Волгоградское Правобережье Волги и междуречье рек Самары и Большого Иргиза) и южная -- типчаково-ковыльковые степи на каштановых почвах (Волго-Уральское междуречье южнее р.Большой Иргиз). Эти зоны различаются также по геоморфологическим, гидрологическим и климатическим условиям (Физико-географические районы Нижнего Поволжья 1961).

Керамика большинства срубных поселений юга лесостепи и северных районов степи содержат, помимо "чисто" срубных, сосуды, имеющие абашевские или покровские черты. Такая керамика чаще встречается в нижних слоях срубных поселений, в верхних -- ее удельный вес уменьшается или она отсутствует совсем. Но стратиграфически эти комплексы не расчленяются и одновременность их существования на определенных этапах не вызывает сомнений. Эти черты, фиксируемые на керамике северных степей, значительно слабее проявляют себя в южных степных памятниках.

Сравнительно-статистический анализ керамики срубных поселений Правобережья и Заволжья подтверждает существенные различия двух вариантов степной срубной культуры Нижнего Поволжья: "чистого" степного -- в южных степях Волго-Уралья, и северного степного ("пограничные степи-лесостепи"), одним из отличительных признаков которого является наличие на керамике покровских черт. Различия обус-

ловлены природно-географическими условиями, определявшими способ ведения хозяйства, формирование близких, но не идентичных вариантов одного хозяйственно-культурного типа (ХКТ) и соответствующих различий в образе жизни.

В конце эпохи поздней бронзы на керамике поселений срубной культуры Нижнего Поволжья появляются элементы, которые становятся одними из самых ярких в культурной атрибуции хвалынской культуры валиковой керамики (ХКВК) -- рельефный "орнамент". Керамика с валиком или воротничком появляется на 75% поселений срубной культуры, расположенных в северной степи и на юге лесостепи, в т.ч. и левобережной пойме Волги. В южных заволжских степях такая керамика известна только в двух комплексах. Большинство поселений северной степи содержит керамику всех трех типов (покровскую, срубную и хвалынскую), но процентное их соотношение и условия залегания на памятниках существенно различаются, отражая как культурные, так и хронологические изменения. Развитие комплекса керамики поселений поздней бронзы северных степей Нижнего Поволжья, а возможно и Волго-Донья, представляло собой непрерывный процесс. Основными тенденциями его были: постепенное изживание покровско-абашевских традиций и замена их срубными, а затем -- вытеснение срубных приемов изготовления и украшения сосудов хвалынскими. При этом в рассматриваемом регионе покровские реминисценции доживают до срубно-хвалынского времени.

Основная территория распространения ХКВК -- юг лесостепной и северные районы степной зон Нижнего Поволжья. В южных степях, за исключением памятников поймы левого берега Волги, известны лишь отдельные немногочисленные находки керамики с валиками и воротничками. Признавая сосуществование в эпоху, предшествующую формированию ХКВК, на территории Нижнего Поволжья 2-х вариантов срубной культуры, и учитывая вышесказанное, можно предположить, что основой сложения ХКВК послужил именно северный степной вариант, поселения которого содержат в керамике покровские черты.

А.Н.Усачук (Донецк)

АНАЛИЗ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ПОСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЗЫМЕННОЕ-II, УКРАИНА

В 1994 г. Новоазовская археологическая экспедиция в основном завершила многолетние раскопки поселения срубной культуры Безыменное-II в приморской зоне Северо-Восточного Приазовья. Исследовано 8614 м² (более 90% площади поселения), в 1994 г. -- 928 м². На поселении найдено значительное количество изделий из кости (406

экз.), которые обработаны типологически и трасологически по методике Г.Ф.Коробковой (1978, 1983, 1987, 1988) и под ее руководством.

Среди костяных изделий преобладают орудия производства. Прежде всего, это орудия для обработки кожи (Усачук 1989, 1994). Самая многочисленная группа -- тупики из нижних челюстей крупного рогатого скота (КРС) - 125 (рис.10:12,13). К этой группе двуручных орудий примыкают двуручные же струги из ребер крупных копытных (40). Тупики из нижних челюстей лошади, морфологически близкие тупикам из нижних челюстей КРС и стругам, сравнительно редки (8). Возможно, за этим стоит некая производственная дифференциация (Килейников 1988). Тупики, струги и копытные кости лошади (18) использовали для волососгонки и мездрения, а тупики из нижних челюстей КРС -- для разминания узких кожаных ремней, о чем свидетельствуют глубокие выемки на стыке тела челюсти и восходящей ветви, а также места поломок этих орудий (практически всегда на стыке). Разминание ремней производили и при помощи орудий на лопатках КРС с небольшими отверстиями (рис.10:5). Для разминания широких полос кожи использовали лопатки с аркообразным вырезом (2).

Коньки (38) изготовлены из плюсневых и пястных костей лошади (2 -- из лучевых костей взрослых КРС). Практически все коньки -- это пожные лопила по коже (иногда, возможно, по ткани). Два конька без отверстий служили, вероятно, в качестве ручных лоцил, что резко снижает производительность этих своеобразных орудий.

В кожевенном деле использовали проколки (11) со следами поступательного и поступательно-вращательного движения и проколку-иглу (рис.10:3). Немногочисленная группа штампов (7) -- орудий для тиснения и лоцения по коже с парезанными по краю суставной впадины лопаток КРС зубцами.

Пряслице из фрагмента головки бедренной кости КРС использовали в ткачестве, а 2 спицы -- для прядения (Усачук 1992; Литвиненко, Усачук 1994). Вероятно, большинство орудий ткачества и прядения изготавливали из дерева (Отрешко 1987).

Группа орудий гончарства невелика (8). Это, в основном, шпатели из фрагментов тел ребер или трубчатых костей (рис.10:10). Одно орудие изготовлено из фрагмента шейного позвонка взрослой особи КРС (рис.10:11). Некоторые шпатели имеют на торцах различные парезки-зубцы (рис.10:8). Судя по данным изучения обработки поверхности сосудов Безыменного-II (Горбов, Усачук 1993; Чубатенко, Горбов 1994), большая часть орудий гончарства была изготовлена из дерева.

Кочедыки (5) с продольным распилом (рис.10:4) и поворотный гарпун из фрагмента локтевой кости взрослой особи лошади (рис.10:2) относятся к орудиям рыболовства (Горбов, Усачук 1990). Предметы

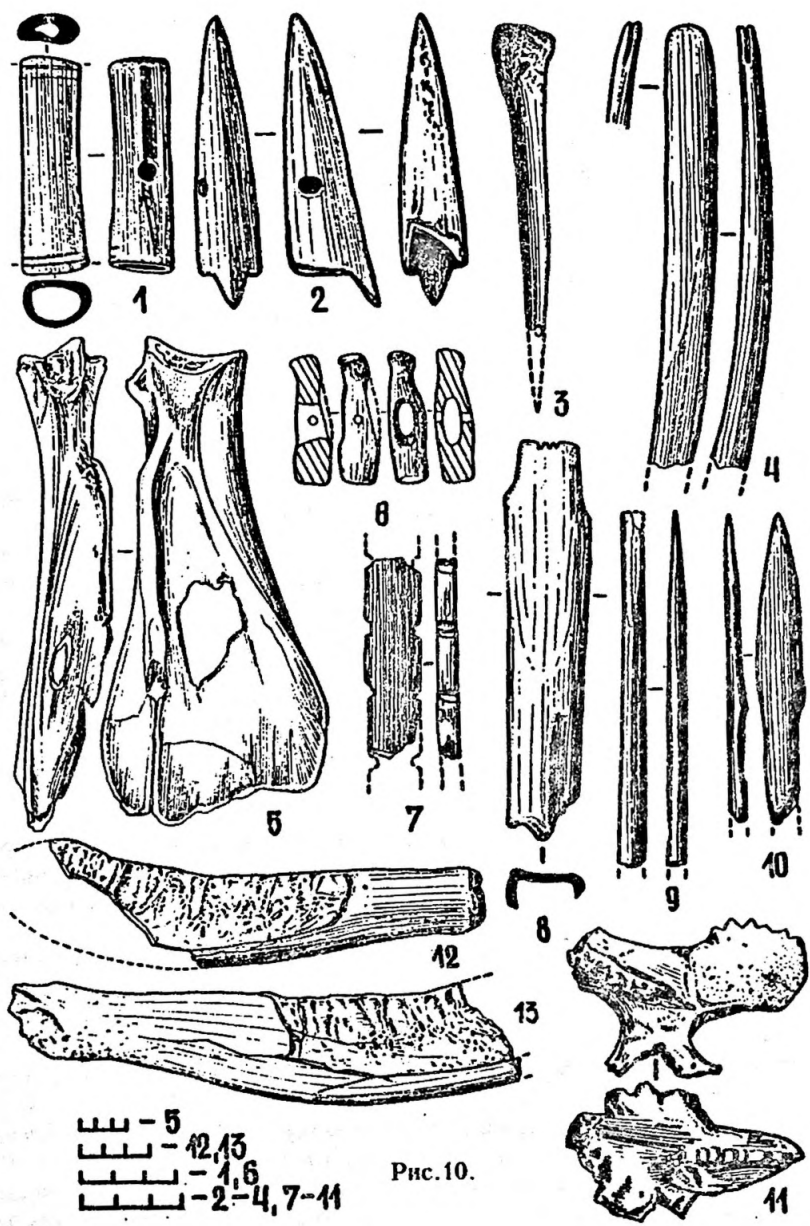

Рис. 10.

вооружения из кости единичны: черешковый трехгранный наконечник стрелы и роговой(?) втек с врезным орнаментом.

Большую группу составляют различные бытовые изделия: псаллий, пуговица, астрагалы мелкого рогатого скота с залощенными боковыми сторонами, поделки (рис.10:7), трубочки. Некоторые трубочки использовали как горлышки бурдюков (Гершкович, Евдокимов 1982). Другие -- аналогичны трубочкам для досения (Галкин 1975). Выделяется группа трубочек (6) с сквозным отверстием (рис.10:1) -- детали составных духовых музыкальных инструментов. Отметим небольшое орудие в виде молоточка. Трасологический анализ показал сильную забитость торца орудия при отсутствии залощенности по краям большого отверстия. Морфологически близкое изделие -- костяная застежка из Кировского поселения (Лесков 1970), но орудие из Безыменного-II не застежка, а очень легкий молоточек для особо тонких работ (орудие ювелира?; рис.10:6).

Для поселений Северо-Восточного Приазовья разработана единая стратиграфическая колонка из пяти горизонтов от раннесрубного до белозерского времени (Горбов 1991, 1993, 1994). Распределение материала по горизонтам показало, что количество костяных изделий увеличивается к горизонту IV и, особенно, V. На горизонт V (белозерское время) приходится 70.3% всех костяных изделий (301). Распределение основных групп: туники из нижних челюстей КРС -- 71.2% (89), струги -- 92.5% (37), копытные кости лошади -- 61.1% (11), орудия на лопатках КРС -- 75% (18), копытки -- 60.5% (23), фрагменты орудий -- 75.5% (34). К горизонту V относится и подавляющее большинство единичных изделий (псаллий, гарпун, молоточек и т.д.). Кроме того, именно в горизонте V сосредоточено основное количество костей-отходов костерезного производства 90.6% (29).

Количество орудий по типам плавно возрастает от III-го (реже II-го) к IV-му и значительно резче -- от IV-го к V-му горизонтам. Особо отметим двуручные струги, которые чрезвычайно редко использовали на поселении вплоть до белозерского времени, а к горизонту V стали едва ли не ведущей группой орудий. Редкие туники из нижних челюстей лошади также стали в основном использовать в горизонте V.

Технологические приемы обработки кости изменяются во времени. Во всех горизонтах на изделиях присутствуют следы резки металлическим лезвием, строгания, скобления. Использовали и абразив, сверление при помощи ручного и лучкового металлического сверла (изредка -- кремневое сверло). Особо подчеркнем, что пиление производили не зубчатым, а прямым лезвием. Нет резких изменений по горизонтам в составе сырья и формам многих орудий. В выборе костей в качестве сырья виден определенный опыт: для орудий брали наиболее подхо-

дящие как по форме, так и по прочности кости или их фрагменты (гарпун, псалий, коньки, тупики).

Костяной инвентарь Безыменного-II находит многочисленные аналогии в материалах срубных поселений как в Северо-Восточном Приазовье, так и в бассейнах Северского Донца и Дона. Аналогично косторезное производство и на ближайшей к западу от Северо-Восточного Приазовья территории -- в ареале распространения сабастиновской культуры. Предпринята попытка найти различия в срубном и сабастиновском косторезных производствах (Усачук 1994), понимаемых как различия в косторезном производстве западного и восточного кругов культур валиковой керамики. Хронологическое членение коллекции костяных изделий Безыменного-II позволяет сделать вывод о расширении использования орудий из кости в белозерское время на позднейших памятниках срубной культуры при безусловном упадке косторезного производства в синхронных памятниках Северо-Западного Причерноморья.

С.Ю.Салрыкин (Москва)

УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У ДЕР.НОВООТРАДНОЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ХОРЫ БОСПОРА НА РУБЕЖЕ Н.Э.

Боспорское укрепленное поселение близ дер.Новоотрадное в Восточном Крыму существовало с кон. III в. до н.э. по IV в. н.э. Его окружали мощные стены, ров, вал. В 1-й строительный период планировка укрепления отличалась от последующих периодов коренным образом. Несмотря на то, что строительные остатки этого времени практически не сохранились, керамика дает надежную дату его функционирования -- кон. III--1-я пол. II в. до н.э. Его возникновение связано с появлением на хоре Боспора укрепленных усадеб и поселений после реорганизации хоры во 2-й пол. III в. до н.э.

Укрепление оставалось в развалинах до 2-й четв.--сер. I в. до н.э. В этот период на месте прежнего укрепления или укрепленной усадьбы возникла совершенно новая постройка, отличавшаяся по планировке и функциям. Прямоугольная в плане (28x18.5 м), с прямоугольной башней на углу (9x9 м) и толщиной стен ок. 2 м, она имела сырцовые стены на каменном основании. Планировка поселения напоминает конструкцию укрепленных сельских усадеб на хоре греческих полисов (Херсонес Таврический) и укрепленных построек в Малой Азии. Близкие по характеру и плану укрепления I в. до н.э.--I в. н.э. засвидетельствованы на европейской и азиатской сторонах Боспора, в Колхиде. Для многих из них характерны прямоугольная планировка, мо-

щные оборонительные стены и башни, жилые и хозяйственные постройки по периметру двора. Синкретизм греческих и греко-восточных черт в архитектуре подобных поселений и укрепленных усадеб Боспора появился в результате вхождения его в состав Понтийской державы при Митридате Евпаторе.

Причины создания такого рода укреплений на хоре (очевидно, подпадавшей под категорию царской, как в случае с поселением близ Новоотрадного) заключаются в самой политике Митридата Евпатора и его преемников. Предоставив некоторую автономию греческим городам, Митридатиды приступили к укреплению хоры с целью поднять уровень сельского хозяйства для взимания дани с подвластного населения. Тесный союз с варварскими племенами к тому же требовал дополнительных фортификационных мер по созданию системы надежной обороны сельских поселений и городов. Строительство укрепления типа военно-хозяйственных поселений на побережье Меотиды близ Новоотрадного датируется периодом правления Махара и Фарнака II, когда Митридатиды сделали ставку на военно-административную систему управления царскими землями, резко сократив привилегии греческим городам. В это время появляется большинство укрепленных поселений Боспора, созданных по типу катойкий, находившихся в прямом подчинении царской власти. Строительство таких укреплений (включая и поселение Новоотрадное) способствовало выходу Боспора из экономического кризиса и укрепило его обороноспособность, что наблюдается уже при Фарнаке II, Асандре, Динамии и Аспурге.

В нач. I в. н.э., в результате деятельности Аспурга, укрепление расширяется в размерах, его обороноспособность повышается в связи с изменением в планировке -- теперь это большой прямоугольный форт с мощными каменно-сырцовыми стенами. Перестройка укрепления связана с широкой завоевательной деятельностью Аспурга в Крыму, когда он, подобно своим предшественникам, стремился опираться на укрепления, разбросанные по царской земле, и на обитавших в них военно-хозяйственных поселенцев.

КОНФЕРЕНЦИИ

Э.С.Шарафутдинова (Санкт-Петербург)
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ПРОБЛЕМЫ
ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА
УКРАИНЫ И ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ"
(Днепропетровск, 25-28 апреля 1994 г.)

Конференция "Проблемы хронологии культур энеолита-бронзового века Украины и юга Восточной Европы" была организована истфаком ДГУ, ИА АН Украины и ИИМК РАН и проведена в рамках международной программы "Хронология энеолита-бронзового века Восточной Европы". В работе конференции приняли участие специалисты Киева, Днепропетровска, Донецка, Луганска, Санкт-Петербурга, Челябинска, др. К открытию опубликованы тезисы докладов (изд-во ДГУ).

Тематика большинства докладов касалась вопросов периодизации и хронологии, разработка которых базировалась на открытиях и исследованиях новых материалов за последнее десятилетие (И.Ф.Ковалева, В.М.Массон, В.С.Бочкарев, Е.В.Цвек и др.). Ряд докладов был посвящен анализу различных культур, культурных групп и отдельных памятников с обоснованием их культурно-хронологической позиции (Ю.М.Бровендер, В.Н.Горбов, Г.Б.Зданович, Р.А.Литвиненко, З.П.Марина, В.В.Отрощенко, В.А.Ромашко, И.А.Пислару, Э.С.Шарафутдинова, др.). По ряду докладов развернулась дискуссия (В.С.Бочкарев, Г.Б.Зданович, И.Ф.Ковалева, В.В.Отрощенко, И.А.Пислару, др.)

Участники конференции посетили Национальный музей-заповедник "Хортица", Запорожский областной краеведческий музей и Запорожский ГУ. При принятии итоговой резолюции участники сошлись во мнении о том, что проведение подобных, небольших по составу конференций необходимо осуществлять и в будущем.

Г.И.Зайцева (Санкт-Петербург)
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
МЕТОДОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В АРХЕОЛОГИИ
(27-30 ноября 1994 г. Санкт-Петербург).

Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти д.и.н, проф. Б.А.Колчина, проведена при спонсорской поддержке Европейского научного об-

щества РАСТ (методы науки и техники для изучения культурного наследия), представителем которого был вице-президент РАСТ проф. Т. Хаккенс. От России конференцию проводили ИИМК РАН, ГЭ, ИФ СПбУ и Научно-координационный совет "Народы России, возрождение и развитие". В конференции приняли участие ученые Бельгии, Греции, Италии, Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии, Франции, Швеции, Эстонии. Представлено 130 научных докладов, которые охватывали практически все методы естественных наук, применяемые для исследования археологических памятников и культур.

Пленарные доклады, были посвящены общим проблемам, связанным с последними достижениями в области взаимодействия археологов и естествоиспытателей, а так же вкладу проф. Б.А.Колчина в становление и развитие этого сотрудничества.

На секции хронологии наиболее полно были освещены исследования, связанные с применением радиоуглеродного метода в археологии и последними достижениями в этой области. Учеными Украины был представлен доклад, где показано влияние загрязнений, связанных с Чернобыльской катастрофой, на достоверность радиоуглеродных дат. Тема доклада, учитывая, что некоторые территории, где проводятся археологические раскопки, были так или иначе затронуты выбросами с Чернобыльской АЭС, исключительно актуальна. Финские ученые показали возможности датирования средневековых архитектурных памятников, когда объектом радиоуглеродного датирования служит известковый раствор, применяемый в качестве связующего. Кроме радиоуглеродного метода, были рассмотрены примеры применения термолюминисцентного, ЭПР методов датирования, а также создание дендрохронологической шкалы для территории России.

На секции, посвященной реконструкции древней окружающей среды, в большинстве докладов были представлены достижения в области палеоэкологии, основанные на палинологических, микробиологических, изотопно-биохимических, геолого-биологических и др. методах.

Проблемам металлургии и металлообработки была посвящена специальная секция, на которой рассмотрены вопросы реконструкции древних технологий. Исследования стекла, керамики, текстиля, кремня и других материалов, применяемых в древности, были объединены в специальную секцию. Ряд докладов посвящен проблемам консервации и реставрации.

Особо следует отметить секцию по применению методов естественных наук для исследования и разведки памятников археологии в полевых условиях, на которой были представлены новые отечественные приборы. Продемонстрированы также возможности компьютерной об-

работки археологических материалов и реконструкции на их основе составляющих древней среды обитания и социальной жизни.

Большое количество докладов по разным темам позволило оценить уровень современного состояния комплексного исследования археологических памятников. Однако, насыщенность и разнообразие тем при ограниченности времени отведенном для дискуссии, не позволило рассмотреть детально многие проблемы.

Исключительно интересным и полезным для выбора направлений дальнейших исследований оказался "круглый" стол, завершивший конференцию. Были обсуждены проблемы сотрудничества между отечественными и зарубежными исследователями, намечены темы совместных исследований. Приоритетными названы вопросы палеоэкологических реконструкций, взаимодействия человека и природы на разных этапах его развития, возможности поиска в прошлом истоков современных актуальных проблем.

Тезисы докладов опубликованы на русском и английском языках. Доклады и статьи предполагается опубликовать в специальном выпуске журнала РАСТ, посвященном конференции.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР И НАРОДОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

В.М.Массон. Культурные взаимодействия и культурогенез в древней истории народов России	6
Л.В.Голованова. Палеолит Северного Кавказа: европейские и ближневосточные влияния	8
М.В.Аникович. Судьбы верхнепалеолитического населения Русской равнины	10
В.В.Питулько. Древний человек Западной Арктики. Расселение и адаптация	13
Г.В.Синицына. О культурном единстве в эпоху финального палеолита Центральной и Восточной Европы	16
В.И.Тимофеев. К проблеме происхождения культуры "ямочной керамики" Скандинавии	18
В.Я.Шумкин. Новые данные по археологии Кольского полуострова	20
К.Х.Кушнарева, М.Б.Рысин. Связи Кавказа и восточноевропейских степей в эпоху палеометалла	23

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИИМК В 1994 Г.

П.Азартс, Н.Д.Праслов. Проблемы хронологии и стратиграфии палеолита Центральной и Восточной Европы ..	26
А.А.Синицын. Древнейший палеолит Костенок	27
Ю.Ю.Цыганов. Исследования палеолитической стоянки Борщево 2	28
Б.Марколонго, Н.Ф.Соловьева. Исследования на юго-востоке Туркменистана	30
М.Б.Рысин. Разведки в Усть-Джегутинском районе Карачасво-Черкесской Республики	32
Н.Ю.Кузьмин, И.П.Лазаретов. Памятники эпохи поздней бронзы долины р.Уйбат	33
Н.А.Боковенко. Новые археологические исследования в Юго-Западной Хакасии	37

А.В.Субботин. Работы по учету памятников в Красноярском крае и перспективы ландшафтной археологии	39
С.В.Красниенко. Исследование поселений эпохи неолита - бронзового века в Шарыповском районе Красноярского края	41
М.Н.Пшеницына. Некоторые итоги изучения памятников тагарской и таштыкской эпох у Саяногорска на юге Хакасии	45
Ю.А.Виноградов. Позднеархаическое здание на городище Мирмекий в Крыму	48
В.Ф.Столба, Л.Ханнестад, А.Н.Щеглов. Раскопки поселения Панское I в Крыму	50
Н.В.Головачева, В.Я.Рогов. Раскопки архаического святилища на хоре Ольвии, Украина	54
Б.И.Маршак, В.И.Распопова, В.Г.Шкода. Работы на городище древнего Пенджикента	55
К.Карпелан, О.В.Овсянников. О памятниках саамской культуры на севере Европы	58
С.В.Белецкий, А.А.Купранис. Печать X в. из Новгорода	61
О.И.Богуславский, А.Н.Кирпичников. Работы старолadoжской экспедиции	63
С.В.Белецкий, Н.И.Мялютенко. Печать великого московского князя Ивана Ивановича из раскопок в Ладогe	65
В.А.Лапшин. Раскопки в Тверском кремле	65
А.В.Курбатов. Камень с петроглифами в Твери	67
А.В.Курбатов. Археологическая реконструкция застройки Ивангородской крепости	67
А.С.Голенцов. Исследования российско-шведской морской археологической экспедиции "Аврора"	70

НОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ И СТРАН СНГ

Н.К.Анисюткин, У.И.Исламов, К.А.Крахмаль, Н.Хушваков. Исследования палеолита в долине Ахангарана, Узбекистан ..	72
Г.П.Романова, В.М.Харитонов. Предварительный антропологический анализ костей скелета ископаемого гоминида из мустьерского слоя Мезмайской пещеры (Северный Кавказ)	75
А.В.Селезнев, А.В.Трусов. Раскопки Зарайской палеолитической стоянки	76
А.В.Колесник, Ю.Г.Коваль. Финальнопалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Висла Балка в Донбассе, Украина	77

Р.Безенваль, А.Р.Раззоков. Поиски источников сырья и поселение эпохи палеометалла в бассейне Верхнего Зарафшана, Таджикистан	80
Н.А.Аванесова. Новое о проникновении пастушеских племен бронзового века в земледельческие оазисы на юге Узбекистана	82
М.А.Изотова. Роль степной срубной культуры Нижнего Поволжья в становлении памятников хвалынского типа	87
А.Н.Усачук. Анализ костяных изделий поселения срубной культуры Безыменное-II, Украина.....	88
С.Ю.Сапрыкин. Укрепленное поселение у дер.Новоотрадное и некоторые вопросы организации хоры Боспора на рубеже н.э.....	92

КОНФЕРЕНЦИИ

Э.С.Шарафутдинова. Международная конференция "Проблемы хронологии культур энеолита -- бронзового века Украины и юга Восточной Европы"	94
Г.И.Зайцева. Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии.....	94
Содержание	97
Contents	100

CONTENTS

Preface.....	5
--------------	---

INTERACTION OF ANCIENT CULTURES AND PEOPLES OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF NEW ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES

V.Masson. Cultural contacts and cultural development in the ancient history of peoples of Russia.....	6
L.Golovanova. Northern Caucasian Palaeolithic: European and Near-Eastern influences.....	8
M.Anikovich. The fortunes of Upper Palaeolithic population in Russian Plain.....	10
V.Pitulko. Western Arctic ancient man. Settling and adaptation.....	13
G.Sinitsyna. About the cultural unity in Late Palaeolithic of Central and Eastern Europe.....	16
V.Timofeev. On the problem of Scandinavian "pit ware" culture origin.....	18
V.Shumkin. Some new data on archaeology of Kolsky peninsula.....	20
K.Kusnareva, M.Rysin. Connections between the Caucasus and Eastern European steppe zone in Palaeometal age.....	23

IHMC EXPEDITIONS IN 1994

P.Haesaerts, N.Praslov. Some problems of Palaeolithic chronology and stratigraphy of Central and Eastern Europe.....	26
A.Sinitsyn. The most ancient Palaeolithic in Kostenki.....	27
Yu.Tziganov. Investigations at Palaeolithic site Borshchevo 2.....	28
B.Marcolongo, N.Solovieva. Investigations in South-Eastern Turkmenia.....	30
M.Rysin. Prospectings at Ust-Jegutinsky district of Karachai-Cherkess republic.....	32
N.Kuzmin, I.Lazaretov. Late Bronze Age sites in Uibat-river valley.....	33
N.Bokovenko. New archaeological researches in South-Western Khakassia.....	37

A.Subbotin. The registration works in Krasnoyarsk region sites and the perspectives of landscape archaeology.....	39
S.Krasnienko. Investigations of Neolithic -- Bronze Ages settlements and Sharypovo district of Krasnoyarsk region.....	41
M.Pshenitsyna. Some results of research of tagarian and tashtykian sites near Sayanogorsk in Southern Khakassia.....	45
Yu.Vinogradov. Late archaic period building at Mirmekion in Crimea.....	48
V.Stolba, L.Hannestad, A.Scheglov. Excavations at Panskoe I settlement in Crimea.....	50
N.Golovacheva, E.Rogov. Excavations of Archaic Period sanctuary at Olbian chorae, Ukraine.....	54
B.Marshak, V.Raspopova, V.Shkoda. The works at ancient Pendjikent.....	55
C.Carpelan, O.Ovsyannikov. About the saamian culture in Northern Europe.....	58
S.Beletsky, A.Kupranis. The seal of X century A.D. from Novgorod.....	61
O.Boguslavsky, A.Kirpichnikov. Expedition reseases at Staraya Ladoga.....	63
S.Beletsky, N.Milutenko. The seal of Moscow grand duke Ivan Ivanovich from Staraya Ladoga excavations.....	65
V.Lapshin. Excavations at Tver Kremlin.....	65
A.Kurbatov. The stone with petroglyphs in Tver.....	67
A.Kurbatov. Archaeological reconstruction of Ivangorod fortress building.....	67
A.Golentsov. Investigations by Russian-Swedish underwarter expedition "Aurora".....	70

NEW STUDIES OF OTHER RUSSIAN AND UIS INSTITUTES

N.Anisyutkin, U.Islamov, K.Krakhmal, N.Khushvakov. Palaeolithic researches in Akhandaran valley, Uzbekistan.....	72
G.Romanova, V.Kharitonov. Preliminary anthropological analysis of skeleton bones of fossil hominids from mustierian layers of Mezmaj cave (Northern Caucasus).....	75
A.Seleznev, A.Trusov. Excavations at Zarayskaya Palaeolithic site.....	76
A.Kolesnik, Yu.Koval. Final Palaeolithic flint-knapping workshop Visla Balka at Donbas, Ukraine.....	77
R.Bezenal, A.Razzokov. The search of raw material sources and Palaeometal site at Upper-Zaravshan valley, Tajikistan.....	80

N.Avanesova. Some new data on penetration of Bronze Age pastoral tribes at the agricultural oases in Southern Uzbekistan.	82
M.Izotova. The role of srubnaya steppe culture of Lower Volga region in forming of khvalinian type sites.....	87
A.Usachuk. Analysis of bone wares of srubnaya culture site Bezimennoc-II, Ukraine.....	88
S.Saprykin. Fortified settlement near the village Novootradnoe and some questions of Bosporan chorae organisation on the turn of our era.....	92

CONFERENCES

E.Sharafutdinova. International conference "Problems of Aeneolithic — Bronze Ages chronology of Ukraine and South-Eastern Europe"	94
G.Zaitseva. International conference "The using of natural sciences methods in archaeology"	94
Contents	97

Археологические изыскания

- Вып.1** Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1991
- Вып.2** Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова). СПб. 1992
- Вып.3** Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л. 1991
- Вып.4** Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб. 1992
- Вып.5** Л.Я.Крижевская. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб. 1992
- Вып.6** В.Я.Шумкин. Каменный век Восточной Лапландии (в печати)
- Вып.7** Г.Н.Курочкин. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб. 1993
- Вып.8** М.Д.Хлобыстина. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб. 1993
- Вып.9** К.Х.Кушнарёва. Южный Кавказ в IX-II тыс. до н.э. СПб. 1993
- Вып.10** AD POLUS. Сборник статей памяти Л.П.Хлобыстина. Изд-во "Фарн". СПб. 1993
- Вып.11** Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. I—III. Материалы к конференции. СПб. 1993
- Вып.12** Изучение памятников морской археологии. СПб. 1993
- Вып.13** Взаимодействие культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. СПб. 1994
- Вып.14** Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму 5--7 апреля 1994 г. СПб. 1994
- Вып.15** Н.Ю.Кузьмин. Курган у деревни Новомихайловка (проблемы изучения культуры степных племен Енисея V--III вв. до н.э.). СПб. 1994
- Вып.16** New Discoveries in Asian Russia and Central Asia. СПб. 1994
- Вып.17** М.Д.Хлобыстина. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб. 1994
- Вып.18** Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22--24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб. 1994

Вып.19 А.В.Субботин. Основные принципы компьютерной обработки массового тагарского материала (реферативное изложение).
СПб. 1994

Вып.20 Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб. 1995

Вып.21 Изучение памятников морской археологии. Т.2. СПб.1994